

Часть VI

Историческое прошлое, опрокинутое в настоящее

История – это политика, опрокинутая в прошлое.
М.Н. Покровский

Для многих литовцев СССР и Россия являются тождественными понятиями. Причём некоторая разница в этих понятиях, благодаря многолетней антироссийской пропаганде в представлении литовского обывателя с каждым годом сокращается и эти два понятия у него ассоциируются с угрозой агрессии и оккупации.

Современная концепция литовского исторического прошлого

Ситуацию в Литве усугубляют мифологизированные исторические фобии, которые присутствуют в сознании не только большинства литовских обывателей, но и тех же политиков. Это во многом является результатом применения правящей литовской элитой классической советской схемы в оценке исторического прошлого Литвы.

На уровне постсоветского политического руководства Литовской Республики (ЛР) были сформулированы соответствующие оценки исторического прошлого, которые затем были законодательно закреплены в основных государственных Актах. Ну, а далее литовские историки вынуждены в рамках этих концепций подыскивать соответствующие «исторические факты» и документы.

Тема «чужой силы», то есть СССР, поправшей свободу и независимость Литовского государства прозвучала в Акте ВС ЛР о восстановлении независимого Литовского государства, принятом 11 марта 1990 г.: *«Выражая волю народа, Верховный Совет Литовской Республики постановляет и торжественно провозглашает, что восстанавливается осуществление суверенных прав Литовского государства, поправленных чужой силой в 1940 г., и отныне Литва вновь является независимым государством»* (цит. по «Сборнику важнейших документов Литовской Республики» – 11 марта–11 мая 1990 г. Издан ВС ЛР. Вильнюс, «Минтис», 1990).

В Конституции Литовской Республики, принятой на референдуме 25 октября 1992 г., тема постоянной внешней угрозы также присутствует. Согласно господствующим в Литве историческим взглядам, под извечным врагом и агрессором в этих документах подразумевается Россия.

Естественно, что в такой ситуации литовским историкам остается лишь подбирать под сформулированную в Акте и Конституции концепцию соответствующие исторические аргументы. Вот так версия об извечном историческом враге Литвы – Руси, Московского княжества/царства, Российской империи, СССР и современной Российской Федерации была подкреплена «исторически».

О том, что историческое сознание во многом определяет поведение современных литовских политиков, заявил эстонский профессор, ректор Таллинского университета, известный философ и общественный деятель Рейна Рауд.

В феврале 2008 г. он прибыл в Вильнюс в связи с его награждением крестом ордена «За заслуги перед Литвой». Однако это не помешало Рауду высказать критическое суждение по поводу стремления литовских политиков и историков представить современную Литву, как продолжательницу Великого княжества Литовского.

Отвечая на вопросы литовского информационного агентства «Delfi», Рауд заявил: *«Мне хочется отметить, что литовцы часто ведут себя так, словно их современное государство – Литовская Республика является прямым продолжением Великого княжества Литовского (ВКЛ), словно оно огромно, хотя на самом деле маленькое, как по территории, так и по численности населения. Одно дело, когда это красивое чувство, гордость за прошлое, и совсем другое, когда современная политическая практика основывается на категориях того времени. Иногда хорошо заметно, как историческое сознание определяет действия сегодняшних политиков.*

...Я понимаю, что существование ВКЛ – славное прошлое литовцев, но прямой связи между ВКЛ и современной Литовской Республикой я не вижу. Надо различать старое, династическое и современное, национальное понимание государственности. Это разные вещи, совершенно разные формы организации общества».

Эстонский ученый раскритиковал устремления литовских политиков, стремящихся продолжать реализацию геополитических амбиций Великого княжества Литовского. Рауд также подверг критике попытку Литвы изображать великого геополитического лидера. *«Это желание стать лидером мне кажется несколько смешным. Почему обязательно нужно быть лидером и свои действия организовывать, оглядываясь на то, помогает это стать лидером или нет. Я полагаю, что нужно руководствоваться не целью лидерства, а моральными, политическими, демократическими принципами, которые помогли всей Восточной Европе освободиться. Я не политолог и не стану углубляться в политологический анализ, однако даже от самих литовцев я слышал, как они говорили – ну, вот мы маленькие, но ведём себя, как если бы были очень большие».*

Оценка Рауда вскрывает глубинные интересы Литовской Республики, когда она во второй половине 2013 г. председательствовала в Евросоюзе и пыталась реализовать программу «Восточного партнерства». Российским

дипломатам и политикам, имеющим дело с Литвой, не мешало бы знать характеристику литовских фобий, которую дал Рейна Рауда. Это помогло бы им вести более аргументированную и сбалансированную политику в отношении Литвы. В этой связи я предлагаю совершить небольшой экскурс в историю литовско-российских отношений.

История – служанка литовских политиков

В развитие темы, затронутой эстонским философом Р. Рауда, обращаю внимание читателей, что преемственность современной Литвы с Великим княжеством Литовским акцентировалась, хотя и косвенно, в Актах о восстановлении независимого Литовского Государства от 16 февраля 1918 г. и 11 марта 1990 г.

В Конституции Литовской Республики, принятой 25 октября 1992 г. эта норма изложена более чем определенно.

Вот как это звучит в преамбуле:

«ЛИТОВСКИЙ НАРОД

– создавший много веков тому назад Литовское государство,
– основывая его правовой фундамент на Литовских Статутах и Конституциях Литовской Республики,
– веками решительно защищавший свою свободу и независимость,
– сохранивший свой дух, родной язык, письменность и обычаи,
– воплощая естественное право человека и Народа свободно жить и творить на земле своих отцов и предков – в независимом Литовском государстве,

/.../

– волей граждан возрожденного Литовского государства принимает и провозглашает эту Конституцию».

Не вызывает сомнений, что в современном мире история любого государства стала инструментом манипулирования общественным сознанием. Особенно это касается истории Литовского государства, где концепция обретения государственности закреплена в основополагающих документах и не подлежит сомнению.

Я не ставлю целью дать развернутую картину истории Литовского государства. Для этого потребуются многотомный труд. Я лишь попытаюсь обратить внимание читателей на явные несуразицы в трактовке истории ВКЛ, которые литовские историки постоянно усугубляют, следуя указаниям властей. О том, как жестко литовские власти отслеживают ситуацию в области исторических исследований свидетельствует следующий факт.

В августе 2014 г. российского историка, директора фонда «Историческая память» Александра Дюкова в Литве объявили «персоной нон грата». «Вина» Дюкова состояла в том, что он подготовил и издал исторические исследования «Накануне холокоста» (М.; 2012) и «Протекторат Литва» (М.; 2013). Литов-

ские историки заявили, что якобы в этих исследованиях документы подобраны тенденциозно и ставят целью реабилитировать преступления Сталина.

При этом литовские оппоненты Дюкова предпочитают молчать о том, что документы сборников, подготовленных российским историком, неопровержимо доказывают стремление руководства Литовской республики в 1939–1940 гг. обрести протекторат нацистской Германии. Не менее доказательна ответственность Временного правительства Литвы в июне-августе 1941 г. за организацию тотального истребления евреев.

В октябре 2014 г. другой жертвой бдительных литовских властей стал российский политолог, генеральный директор Центра политической конъюнктуры Сергей Михеев, которому по инициативе Литвы на три года запрещен доступ в страны Шенгена. «Вина» Михеева заключается в том, что он в марте 2014 г. позволил на конференции, проводимой в Вильнюсе, дать объективный разбор ситуации на Украине и в Прибалтике.

Ну, а говорить о сколь-нибудь независимой позиции самих литовских историков даже не приходится. Это наглядно показала телепередача «Суд времени», посвященная теме вхождения Литвы в СССР в 1940 г. (17–18 января 2011 г., 5 канал ТВ). На неё пригласили одного из ведущих литовских историков Альгимантаса Касперавичюса (Al. Kasperavičius).

А. Касперавичюс (1962 г. р.) в постсоветский период зарекомендовал себя экспертом в области советско-литовских отношений. В 2010 г. он издал монографию «Lietuva 1938–1939 m.: neutraliteto iliuzijos» («Литва 1938–1939 г.: иллюзия нейтралитета»). В основу своего выступления на «Суде времени» Касперавичюс положил тезисы этой книги. Тем не менее, в ходе телепередачи он производил тягостное впечатление.

Видно было, что Касперавичюс весьма волновался. И было от чего. На кону стояла не столько его профессиональная репутация, сколько его политическая благонадежность. Любое высказанное им сомнение в «советской оккупации» Литвы и он мог попасть в так называемый список «неблагонадежных».

В итоге Касперавичюс представил телезрителям крайне странную версию поведения Литвы в предвоенный и военный период. Кратко это звучало так. Литовская Республика в 1939–1940 гг. якобы придерживалась абсолютного нейтралитета. При этом Касперавичюс уверял аудиторию, что тогдашний Президент Литвы А. Сметона был уверен, что Гитлер потерпит поражение в будущей войне. А в период немецкой оккупации все литовцы были уверены, что она продлится недолго, так как не верили в победу нацистов (?). В конце выступления литовский историк заявил, что если бы Литву не включили в состав СССР, то сейчас она была бы на уровне Финляндии. Одним словом, озвучил клише политического руководства Литвы.

Выступление Касперавичюса напомнило мне некоторых политиков и историков Советской Литвы, которые «костями ложились», но отстаивали спорные исторические версии, одобренные Политбюро ЦК КПСС. Что же

касается сомнительных утверждений Касперавичюса о так называемом «нейтралитете» довоенной Литвы и её президента Сметоны, то ответы на них были даны в предыдущих главах. Повторяться нет смысла.

Но вернусь к теме изначальной истории Литвы. Началось всё в 1988 г., когда деятели «Саюдис» превратили национальную историю в идеологию политического возрождения литовского общества. Возвращенная национальная символика, гласно поднятые ранее умалчиваемые исторические факты послужили основой не только для делегитимизации советского строя, но и для борьбы со сторонниками этого строя в Литве.

С восстановлением независимого Литовского государства этот процесс усилился. **Национальная история стала инструментом не только воспитания русофобии, но и как, отмечал Р. Рауд, базовой концепцией, которая определяет поведение литовских политиков на международной арене и, прежде всего, в отношениях с Россией.**

Препарируя нужным образом отдельные эпизоды истории литовско-русских отношений, литовские политики представляют Россию извечным врагом, хотя, на самом деле, Литву и Россию объединяют многочисленные страницы общей истории.

Начну с того, что на фризе известного памятника «Тысячелетие России», установленном в 1862 г. в Новгороде Великом, из 109 бронзовых фигур наиболее значимых фигур в истории государства Российского, не русских только восемь. Пять из них являются представителями Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (далее ВКЛ).

Это четыре Великих литовских князя: Гедимин (в Литве известен, как Гедиминас), Ольгерд (Альгирдас), Кейстут (Кястутис) и Витовт (Витаутас). На памятнике «Тысячелетие России» они представлены, как «государственные люди» Российской империи. Среди «военных людей и героев» России рядом с бронзовым князем Александром Невским находится скульптура литовского нальшанского князя, а впоследствии князя Псковского Довманта (Даумантаса).

Устоявшимся является мнение о том, что литовские князья были помещены на памятник «Тысячелетие России» в силу того, что они совместно с русскими князьями боролись против Тевтонского ордена и тем самым помогали охранять Россию от нашествия немецких рыцарей. Однако не менее обоснованы утверждения о том, что в сложный для древней Руси период монголо-татарского нашествия, ВКЛ, вплоть до конца XV века, являлось вторым центром собирания русских земель бывшей Киевской Руси. Вот о нём и поговорим.

Но, прежде, небольшая ремарка. Читая исторические исследования и трактаты, у меня сложилось мнение, что многие историки подходят к трактовке исторических событий с позиций современного человека, обогащенного тысячелетним опытом существования. Такой подход предполагает рассмотрение поступков и действий исторических предков со снисходительных

позиций отца – сына, деда – внука, учителя – ученика. В итоге получается крайне упрощенная и ошибочная трактовка мотивов поступков наших предшественников.

Особенно удивительно читать суждения некоторых историков, никогда не бывших во власти и не участвовавших в подготовке ни одного военного сражения, о судьбоносных событиях и баталиях XX века. На все исторические случаи у них готов рецепт и оценка. Вот такому политическому руководителю следовало бы поступить вот так, а такому-то полководцу – вот так. Умерьте свой пыл, господа. Не уподобляйтесь болельщикам, сидящим на трибуне во время футбольного матча и убежденно кричащих: «Судью на мыло!».

Представление о том, что наши предки и предшественники были менее «разумными», нежели мы, глубоко ошибочно. Современный научно-технический прогресс, вооруживший человека массой приспособлений и устройств, заглушил ряд его природных инстинктов, сделали его менее приспособленным для выживания в экстремальных условиях.

Средневековый человек постоянно существовал в таких условиях. Поэтому он был хитрее, изворотливее и конструктивнее современного не только в политике, но и в быту и строительстве. Попробуйте, например, сегодня создать сложное архитектурное сооружение, подобное Собору Парижской Богородицы инструментами той поры, и станет ясна ничтожность современного человека, лишённого помощи современной техники.

Следует относиться к нашим предкам с должным уважением и не придумывать абсурдные, упрощенные объяснения их политике и поступкам. Я попытаюсь именно с таких позиций рассмотреть историю одного из величайших государств средневековья – Великого княжества Литовского.

Великое княжество Литовское – Литовская православная Русь

Не вызывает сомнений, что Великое княжество Литовское являлось фактическим продолжением древнерусской государственности, получившей начало и развитие в Киевской Руси. Государственно-правовую жизнь ВКЛ почти три столетия регулировал Свод законов «Русская Правда» Великого киевского князя Ярослава Мудрого. Языком официальных документов ВКЛ был старославянский письменный язык, называемый также русинским или руським.

На нём написаны «Статуты Вялікаго княства Літоўскага», «Литовская метрика» и другие государственные документы. Великий князь Литовский Витовт, получив от польского короля Ягайло Троки (совр. Тракай), составил привилей на старорусском языке, датированный 23 августа 1384 г., гарантирующий городу Троки определённые права. В этом документе Витовт назвал себя «нареченным во святом крещении Александром».

В этой связи напомним один любопытный факт. В 1919 г. правительство Литовской Республики обратилось к РСФСР с требованием «вернуть» Метрику (архив) ВКЛ, хранившуюся в Москве. Советская сторона согласилась,

но поставила условие, Литве будут возвращены документы, написанные на литовском языке.

Литовцы согласились и ... выяснилось, что среди почти шестисот толстых томов «Литовской метрики» документов на литовском языке не оказалось. Все документы ВКЛ написаны на четырёх языках: старославянском, старопольском, старонемецком и латыни. С тех пор литовские историки упорно пытаются доказать, что великие князья хотя и писали на этих языках, но разговаривали якобы на литовском?!

Тем не менее, с большой степенью уверенности можно утверждать, что преобладающим этническим компонентом в ВКЛ являлся славяно-русский, составлявший 9/10 всего населения. Письменные источники XV—XVI столетий свидетельствуют, что большинство славян, жившие в границах ВКЛ считали себя не литвинами или литовцами, а «русским» народом, «русскими» или «русинами». Не случайно знаменитый польский поэт Адам Мицкевич в XIX веке писал «Литва в основе та же Русь». Но это была не просто Литовская Русь, а **Литовская православная Русь**.

Именно православие было духовной скрепой ВКЛ, обеспечивающей её могущество и единство. Со смертью последнего защитника православия князя Витовта-Александра, который по мере возможности сдерживал массовое вторжение католичества на территорию ВКЛ, началось угасание этого могучего государства.

ВКЛ на протяжении двух с лишним столетий явилось своеобразным щитом для западных древнерусских княжеств, защитившим их от монгольского ига и немецкой колонизации. Главным фактором процесса создания ВКЛ было не завоевание, не насилие, не разграбление, а «приязнь», умение устанавливать отношения литовских князей с населением русских княжеств.

Следует отметить, что Великие князья Литовские: Миндовг, Гедимин, Ольгерд и Витовт, беря русские княжества под свою опеку, ограничивались сбором дани, сохраняя при этом их самобытность, язык, культуру и веру. Фёдор Иванович Леонтович (1833—1911), доктор государственного права ведущий эксперт в области литовско-русского права в 1864 г. в статье «Русская Правда и Литовский статут» писал о политическом такте и не предубежденности, с каким литовские князья опирались на русское население.

Великие литовские князья не только брали в жены православных княжен, но и сами исповедовали православие. Всё это способствовало мирной экспансии Литовского княжества на русские земли. А земли эти были велики. Приведу следующие данные.

Известный советский демограф Б. Греков оценивал территорию Киевской Руси X—XI века примерно в 1,3—1,8 млн. кв. км. Другой демограф Б. Урланис считал, что население Руси в тот период могло тогда составлять 4,5 млн. человек. О многочисленности населения Руси свидетельствует количество городов. Их в XII веке насчитывалось около трёхсот. Не случайно в скандинавских источниках X—XII веков Русь называлась «Гардарика», что означает «страна градов».

СТАТУ ВЕЛИКОКНЯТВИ ЛІТВИ

ВНАМЕНІШОГО ГРА КИРОЛА ЕТО МАТИ
ЖИКИМОМГА ТРЕТЕСУ НАКОНІЦАМИ
КАКРАКІВЕ ВІДАНЫ РІКЪ
Л. Ф. ПІІ.

Смолотрете што мавети тиности. То не правдети се до Контн и парай
главнети ам і до бофи. А што не лавтеі чі днети не на Гал. де
влетети вавити. не ху і до авдети руд го по днх зав
фди. А правдети ве чнрв. не сті во прі то по сі мв бо
вашнлв не правдети. ан і до авдети чнрв. ан і до авдети
днх лавов.
Мн лети і до авдети чнрв і до авдети чнрв.
хто лнбн не правдети. стот і до авдети чнрв і до авдети
Правдети і до авдети чнрв і до авдети чнрв.
Зласкн і до авдети чнрв і до авдети чнрв.
Бананн і до авдети чнрв і до авдети чнрв.

Статут (Конституция) Великого княжества Литовского 1588 г.

ТРИ БУНАЛЪ

ОБОВАТЄЛЄМЪ ВЕЛІКОГО
КНІАТВА АНТЮСІКОГО.
НАСОНМЕ БАРШАВСКОМЪ
ДАНЫ. РІКЪ Л. Ф. ПІІ.

ВІЛНА
ВІДКІРНІ МАМОНИЧІВЪ. РІКЪ Л. Ф. ПІІ.

Трибунал (уголовный кодекс) ВКЛ. Вильна: Типография братьев Мамоничей, 1586 г.

Отмечу, что ряд русских городов имел многочисленное население. Это подтверждают записи о пожарах и эпидемиях. В Лаврентьевской летописи под 1124 г. говорится, что в Киеве был пожар, причём «церквий единых изгоре близ 600». Только государство с многочисленным населением могло иметь такую многолюдную столицу, как Киев, в которой было несколько сотен церквей.

А что этническая Литва, которая в то время звалась Жемайтией и Аукштайтией? Ареал проживания литовцев, точнее аукштайтов и жемайтов, за последнюю тысячу лет изменился незначительно (примерно 50 тыс. кв. км). Общую численность населения на этой территории в XII веке, исходя из рекомендаций демографа Б. Урланиса, следует оценить в 100–150 тысяч человек. Что же касается литовских городов, то известно, что первое городское поселение в древней Литве Кернаве (Kernowe) упомянуто в Ливонской хронике лишь в 1279 году. Остальные поселения в этот период были лишь городищами.

Могла ли малочисленная этническая Литва, не располагавшая даже начальной инфраструктурой, письменностью, городским населением и др. самоорганизоваться, как утверждает молодой литовский историк Томас Баранаскас (Т. Baranauskas) и покорить древнерусские княжества, большинство из которых превосходило её и по территории и по населению?

Правда, следует признать, после нашествия монгольского хана Батыея в 1237 г. территория Киевской Руси значительно обезлюдилась. Вот как описывает в 1245 г. русские земли францисканец Иоанн Плато Карпини в своём труде «Историю монголов, именуемых нами татарами»: «...(татары) *пошли против Руси и произвели великое избивание в земле Руссии, и после долгой осады они взяли его (Киев) и убили жителей города; отсюда, когда мы ехали через их землю, мы находили бесчисленные головы и кости мёртвых людей, лежавшие на поле; ибо этот город был весьма большой и очень многолюдный, а теперь он сведён почти ни на что: едва существует там двести домов, а людей тех держат они в самом тяжёлом рабстве*».

Понятно, что даже немногочисленная литовская дружина могла без труда брать под свою руку тогдашние русские города и княжества. Могла, но... Одно дело взять, а другое дело располагать военными возможностями для того, чтобы удержать их. Ведь монголо-татары хоть и уходили с разграбленных русских земель, но без внимания их не оставляли. Любую попытку восточных русских княжеств выйти из-под контроля, они карали самым жестоким образом.

Таким образом, они 150 лет держали эти княжества в фактическом рабстве, хотя те и обладали достаточно боеспособными дружинами. Например, дружина новгородского князя Александра Невского.

Возникает вопрос, что это было за войско Великого княжества Литовского, которое позволяло себе не считаться с монголо-татарами? Кто составлял её этническую основу? Ответов на этот вопрос много, но рассуждения литовских историков о том, что ВКЛ (дата образования ориентировочно 1236 г.) якобы уже во времена князя Тройдена (1270–1272 гг.) было этнически литовским и языческим, выглядят просто курьезно.

Если принять численность этнических литовцев в XIII за 150 тысяч человек, то, согласно расчётам демографов, мужчины в возрасте от 15 до 30 лет, тогда составляли 1/8 от численности населения (12,5%), то есть около 20 тыс. человек. А теперь подумайте, скольким из них можно было вручить меч и щит, чтобы организовать боевую дружину? А ведь нужны были и мужики-ремесленники: кузнецы, кожаных дел мастера, плотники, пахари и т.д.

Не вызывает сомнений, что основную часть войска ВКЛ составляли литвины, предки современных белорусов и украинцев. Цементирующим ядром этого войска явилась дружина князя Миндовга. На вопрос, откуда она пришла и кого представляла, постараюсь ответить ниже.

* * *

Основателем Литовского княжества считается князь Миндовг (ок. 1195–1263 гг.). Его этническое происхождение туманно. Литовские историки

усиленно отстаивают версию о том, что Миндовг был этническим или точнее антропологическим литовцем-жемайтом. Его в Литве именуют Миндаугасом (Mindaugas).

Между тем ни в одной летописи (Густынской, Псковской и Ипатьевской и др.) не фигурирует князь по имени «Mindaugas». В Ипатьевской летописи, написанной на старославянском языке, его именуют Миндогом. В западных летописных источниках он именуется Mendogus (лат.), Myndowen (нем.), Мендольф (пол.).

В этой связи приведу образец, каким образом в ВКЛ писались имена и фамилии жителей. В Литовской метрике (книга Записей XXIV, листы 227–228) приводятся фамилии жемайтских, то есть этнических литовских бояр. Вот как они были записаны: *«В 1543 г. пристав волости Повонденской Жмудской земли Чопотис Миколаевич стал доводить перед старостою жмудским паном Юрием Мартиновичем Белевичем на бояр господских – Юхна Крейчайтя, Юрия Докгайтя, Станя Довгялайтя, Будка Пиктажайтя, Юрия Римкойтя, Юхна Станяйтя, Войтка Доркгужойтя».*

Вышеприведенные имена и фамилии жмудских бояр весьма близки к славянским. Получается, что государственное управление в Жемайтии XVI века осуществляли славяне? Или же..? Но не буду гадать.

Лучше обращусь к Переписи войска ВКЛ 1528 и 1567 гг. по Жемайтии и Аукштайтии. Там фигурируют: *«Боцус Пиктанович, Войчус Совкговдис, Довгутис Петрашевич, Будрус Вилятович, Липнюс Талевич, Микутис Милошевич, Сакто Судмонтойтис, Доркгис Минконтойтис, Микутис Монкайтис, Будрус Радвилойтис, Будрис Кримштойтис, Билюс Монконтович, Станис Мортейкович, Талюшис Наркойтис, Венцкус Липнайтис, Шим Балсайтис, Буткус Монтвидойтис».*

Без сомнения, многие из названных фамилий принадлежат этническим литовцам. Вывод из двух вышеприведенных источников очевиден. В летописных документах фамилии и имена периода Великого княжества Литовского писались такими, каковыми они были в действительности. Фамилии и имена этнических литовцев, как правило, оканчивались на «-с». В этой связи не вызывает сомнений, что Миндаугас и имена других литовских князей это сознательно литуанизированные имена.

Такое превращение было осуществлено современными литовскими историками для создания «исторического мостика» между настоящим и прошлым Литовской Республики. Аналогичная процедура была проделана с именами других литовских князей: Гедимином, Ольгердом, Витовтом, Кейстутом и др.

Что же касается имени Миндовг-Миндоуг, то некоторые исследователи полагают, что наличие дифтонга «оу» свидетельствует о славянском (полабском) происхождении этого имени. Сегодня эта черта наиболее хорошо сохранилась в чешском языке, наиболее близком к полабскому.

Как сообщает Густынская летопись, Миндовг столицей государства (ВКЛ), которое создавал, сделал православный Новоградок. Причём для

того, чтобы стать новгородским князем ему пришлось в 1246 г. *«принять веру христианскую от Востока со многими своими бояре»*. В православии Миндовг стал Василием, от греческого «Базилевс», что означает – верховный правитель, царь.

Факт принятия Миндовгом православия позволяет утверждать, что он с дружиной был приглашён на княжение в Новгородке. Завоеватели никогда не считали нужным принимать веру своих новых подданных. Это является косвенным подтверждением того, что Миндовг, возможно, был одним из тех пришлых воителей, которые с дружиной и прислуживающими людьми приглашались и садились на правление в городах для защиты местного православного посадского населения от нападения немецких рыцарей.

По одной из версий первой женой Миндовга была дочь новгородского православного князя Изяслава, по другой – тверская княжна. Сын Миндовга от первой жены Войшелк был столь приверженным православным, что согласно Ипатьевской летописи от 1262 г. он «учини собе монастырь на реце на Немне, межи Литвою и Новым городком». Войшелк предпочёл княжескую власть монашеству. Густынская летопись сообщает, что Войшелк «пострижеса во иночество» и ушёл в монастырь в Галиче. Подобный поступок можно объяснить следующим. Войшелк был крещён православной матерью ещё в младенчестве и соответствующим образом ею воспитан. Несомненно, это не могло происходить без ведома Миндовга.

Представляет интерес, что имя Войшелк созвучно с именем воинственного ободритского славянского князя Готшелка (Гойшелк). Известно, что княжество ободритов находилось на побережье Балтийского моря на территории современной Германии, но постепенно немецкими рыцарями оно было разгромлено, а ободриты двинулись на восток. Возможно, что дружина Миндовга состояла из балтийских славян ободритов, искавших новую родину. Иначе трудно объяснить тот факт, почему Миндовг сына первенца назвал ободритским именем Войшелк.

В этой связи приведу следующую версию. Некоторые исследователи утверждают, что к началу XIII столетия положение народов Полабской Руси (славян и западных балтов, живших на побережье Балтийского моря на территории современной Германии и Польши) стало угрожающим. Немецкие феодалы, объединившись с польскими, начали военную экспансию на земли ободритов. Единственным выходом для последних явилась миграция на Восток.

Утверждают, что примерно в 1230 г. прусский король, вассал Полабской Руси Рингольд собрал в земле лютичей (вильцев) на территории нынешней северной Германии в районе Старогорода (ныне Ольденбург) и Русена (Рюгена) огромное войско, которое двинулось дальше на Восток, в верховье реки Неман, со всем имуществом и детьми («Великая хроника о Польше...»).

Армия Рингольда быстро освоила эти земли, на которые в 1230–1260 гг. прибыло более полумиллиона полабских славян. Как писал белорусский

историк и директор Белорусского государственного музея Вацлав Устинович Ластовский (1883–1938), попытки Полоцкой Руси противостоять приходу русов и балтов с берегов Балтики провалились, так как Полабье в военном отношении было на голову сильнее Полоцка.

Так образовалась Леттовия (Lettowia), из которой, вероятно, вышел Миндовг со своей дружиной. Однако ранее упомянутый литовский историк Т. Баранаускас в книге «Lietuvos valstybės ištakos» (Истоки литовского государства), изданной в Вильнюсе в 2000 г. пишет, что воинственность летописных литовцев (*не забудем, что предки современных литовцев в летописях назывались жемайтами – В. III.*) возросла раньше, нежели на политической сцене Литвы проявился Миндовг (1219 г.).

Это произошло в период после 1183 г. Можно предположить, что какая-то часть племени, из которого впоследствии вышел Миндовг, появилась в летописной Литве после 1183 г. Именно они придали воинственность летописным литовцам. Ведь до этого Литва была в числе народов, которые платили дань Руси. Об этом летописец Нестор писал в начале XII века в предисловии к «Повести временных лет». Не следует забывать, что ещё в 1180 г. полоцкие князья Васильковичи ещё были во главе литовских дружин.

Однако запись 1183 г. Новгородской первой летописи уже сообщает: *«В ту зиму бились псковичи с литовцами и много было сделано вреда псковичам»*. В «Слове о полку Игореве» рассказывается о разгроме литовцами Полоцкого княжества в 1185 г. «Один лишь Изяслав, сын Васильков, позвенел своими острыми мечами о шлемы литовские, затмил славу деда своего Всеслава, а сам под алыми щитами на кровавой траве пораженный литовскими мечами, взял её на [смертное] ложе и сказал: *«Дружину твою, князь, птицы крыльями приодели, а звери кровь полизали»*.

Известный советский исследователь Литвы Владимир Терентьевич Пашуто в своем фундаментальном исследовании «Образование Литовского государства» (Издательство АН СССР, Москва, 1959 г.) ссылаясь на хронику Генриха Латвийского (1225 г.), которую считал источником высокой ценности в вопросах изучения истории древней Литвы.

В хронике писалось, что «власть литовская до такой степени тяготела тогда над всеми жившими в тех землях племенами (рускими, ливонскими и эстонскими), что лишь немногие решались жить в своих деревнях». Отмечалось, что русские бежали «по лесам и деревням перед лицом даже немногих литовцев, как бегут зайцы перед охотником».

Вышеизложенное свидетельствует, что летописная Литва вдруг обрела воинскую мощь. О литовцах, которые внезапно обрели загадочную воинственность, размышлял великий польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855) в предисловии к повести «Конрад Валленрод»: *«История еще не выяснила с достаточной полнотой, каким образом народ, столь слабый и так долгоปกครองствовавший чужеземцам, вдруг нашёл в себе силы, чтобы не только оказать сопротивление всем своим врагам, но и угрожать им, с одной стороны, ведя*

непрерывную кровавую войну с орденом крестоносцев, а с другой – опустошая Польшу, взимая дань с Великого Новгорода, распространяя свои набеги до берегов Волги и до Крымского полуострова».

Полагать, что этот качественный скачок произошёл с коренными обитателями Литвы, которые ещё недавно платили русским дань, нет никаких оснований. Смена менталитета нации длится, как правило, несколько поколений. Налицо влияния внешнего фактора, который коренным образом изменил ситуацию в летописной Литве. Как говорилось, таким фактором могли быть только пришельцы и, вероятнее всего это были воинственные полабские племена.

Что же касается Миндовга и степени его влияния на Литву летописную, то следует обратиться к упомянутому литовскому историку Т. Баранаускасу. В книге «Lietuvos valstybės ištakos» он ссылается на польского историка Хенриха Пашкевича (Pasziewicz H.), осуществившего статистический анализ военной активности летописных литовцев. Согласно Пашкевичу из 75 литовских походов 42 относятся к периоду 1200–1236 гг. и лишь 33 – к временам Миндаугаса (1237–1263).

Из этого Баранаускас делает поспешный вывод о том, что вряд ли Миндовг являлся основателем ВКЛ. Однако можно ли судить о степени эффективности правления Миндовга, опираясь лишь на интенсивность его военных походов? Ведь, если исходить из вышеприведенной статистики, то летописная Литва до Миндовга каждые полгода совершала военный поход. Однако ясно, что так часто можно было совершать лишь кратковременные грабительские набеги, а результативный военный поход по захвату и освоению новых территорий требовал основательной подготовки.

Миндовг, видимо, всё делал основательно. Возможно, именно по этой причине новгородские бояре и пригласили его княжить из той же Леттовии. И не ошиблись. Новгородское княжество при Миндовге приобрело новое «дыхание» и стало основой для формирования Великого княжества. Утверждается, что в 1253 г. папа Иннокентий IV пожаловал его в короли. Обряд коронации князя Миндовга якобы был совершён Кульмским епископом Генрихом в том же 1253 г. **в православном Новогрудке**, хотя Миндовг к этому времени сменил православную веру на католическую?!

В этой истории слишком много неясного. Например. Куда пропала после смерти Миндовга королевская корона, если она была? Почему после Миндовга в Литве больше не было королей, а только Великие князья? Почему Литва стала называться Великим княжеством Литовским, а не Литовским королевством? Почему папский престол смирился с утратой одного из своих важнейших форпостов, Литовским королевством, на Востоке?

Ведь для возврата «заблудших овец в стадо» у Папы всегда были наготове псы-рыцари, а также приманка для преемника Миндовга в виде королевской короны. Тем не менее, после смерти Миндовга Литва утратила статус королевства и на 150 лет, как уверяют литовские историки, осталась языческой.

А может всё же православной? Ведь сын Миндовга Войшелк был и остался православным. Монашество он прервал лишь для того, что отомстить убийцам отца. В этой связи с определенной долей уверенности можно предполагать, что основатель Великого княжества Литовского Миндовг и его дружина были пришельцами с берегов Балтийского моря и имели славянские корни. То есть, Миндовг по сути явился литвинским Рюриком, который заложил основы Великого княжества Литовского.

Миндовг также сумел найти основной фактор, обеспечивший могущество и процветание этого государства. **Это создание в ВКЛ атмосферы веротерпимости и национального согласия.** Последующие после Миндовга правители ВКЛ сохранили этот подход, что обеспечило поступательное развитие княжества на столетия.

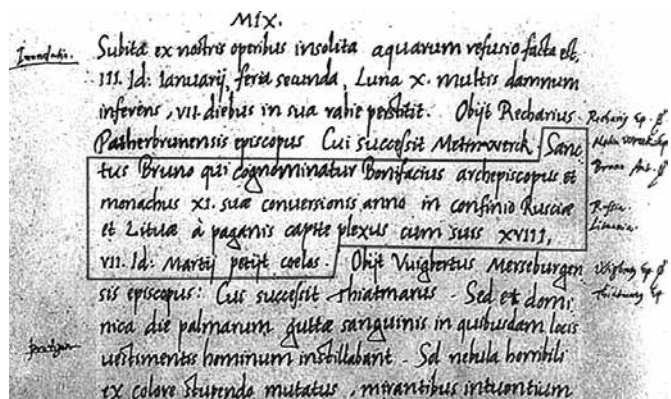
Но существуют и другие версии. В Ливонской рифмованной хронике говорится, что Миндовг являлся литовцем (каким?) и в 1245–1246 гг. был уже «верховным королём»(?) Литвы. В Великой Польской хронике в 132 главе говорится о прусском короле Мендольфе, который из-за многочисленных тягот, причиненных ему и его народу крестоносцами, ушёл вместе со своими людьми в Литву. Эти версии свидетельствуют, что ребус с происхождением Миндовга пока остается тайной.

Политические власти современной Литвы не сомневаются в литовском происхождении Миндовга и его заслугах, как основателя Великого княжества Литовского. Согласно официальной версии Литва, как государство ведёт летоисчисление с 1253 г. – после коронации короля Миндаугаса.

В 2009 г. Литва широко отметила своё тысячелетие. Главная дата праздника пришлось на 6 июля. День, в который 756 лет назад был коронован Миндовг. В итоге так и осталось непонятым, что было основным в 2009 г., то ли годовщина коронации Миндовга, то ли годовщина первого упоминания Литвы в Кведлинбургских анналах (Annales Quedlinburgenses).

На мой взгляд, властям Литвы было главным продемонстрировать преемственность Литовской Республики с Великим княжеством Литовским и Литвой, упомянутой в анналах.

Первое упоминание Литвы в Кведлинбургских анналах 1009 г.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, а может ли Литовская Республика претендовать на подобную историю? Многие говорят о том, что это не совсем так. Начну с записи в Кведлинбургских анналах. Там фигурирует термин «Litua», но не «Lietuva», «Lithuania», «Lettowia» или «Litvanie», как писалось название этнической Лиетувы на средневековых картах.

«Litua» без сомнения славянское слово, но в анналах оно написано латинскими буквами. Некоторые исследователи, исходя из того, что существующие ныне анналы не являются оригиналом, полагают, что переписчик зафиксировал термин так, как он был изложен в оригинале. Это подтверждение славянской природы этнического образования «Litua».

Приведу словосочетание из текста анналов, содержащее термин «Litua»: **«in confinio Russia et Litua»**, то есть **«на границе Руси и Литвы»**. Полный перевод этого отрывка звучит так: «Св. Бруно, архиепископ и монах, наречённый Бонифацием, в 11-ый год своего обращения был обезглавлен язычниками на границе Руси и Литвы, и вместе с 18 своими последователями вознесся на небеса 9 марта».

По утверждению ватиканских историков Бруно-Бонифаций погиб близ города Пинска (**180 км восточнее Бреста, 300 км юго-западнее Минска, 200 км на юг от Новогрудка и 350 км на юг от Вильнюса**). Там же воздвигнут храм в его честь. С учётом этой информации абсолютно ясно, что в Кведлинбургских анналах речь не могла идти речь об этнической Литве. Тут даже попытки литовских историков расширить территорию этой Литвы не исправят положения.

Не вызывает сомнений, что в анналах говорится о так называемой изначальной летописной Литве с центром в православном Новогрудке, давшей начало ВКЛ. Белорусские историки установили местонахождение этой Литвы. Она находилась на территории Беларуси. Её западная граница шла по линии Слоним-Пинск по притоку Немана реке Щаре, а северо-восточная – по рекам Березина и Уса. На юге древняя Литва граничила с Турово-Пинской землей. Сам район до XIX века в быту именовался Литвой. Это вполне обосновано, поскольку именно в этом районе находится пять топонимов «Литва».

Следует отметить, что современная Литва пытается обосновать исторические претензии на эти территории, как этнически литовские. В этой связи замечу, что **наименование «Литва» применительно к территории собственно этнической Литвы стало использоваться лишь в XIX веке**. До этого эти территории именовались Жемайтия и Аукштайтя. Кстати, название «Жемайтя», как и литовское слово «жяме» (земля), явно происходит от слова русского «земля».

Позже в связи с переносом столицы ВКЛ из Новогрудка в Вильнюс (около 1323–1326) название «Литва» из Верхнего Понемонья постепенно начало сдвигаться на юго-восток современной Литвы. Но одновременно это название продолжало оставаться на прежних белорусских стало использоваться территориях вплоть до XIX века.

В этой связи неизбежен вывод о том, что язычников аукштайтов и жемайтов следует называть **литовцами**, а основное православное население ВКЛ, основу которого составляли предки современных белорусов и украинцев – **литвинами**. Хотя на литвинов сегодня претендуют только белорусы. Замечу, что в летописных документах ВКЛ (Статутах, Метриках, Переписях войска и пр.) в порядке перечисления фигурируют три основных этноса: «литвины», «жемайты», «аукштайты».

Не вызывает сомнений, что предками современных белорусов являются литвины, населявшие территорию современной Беларуси. Известный польский поэт Адам Мицкевич (1798–1855 гг.), родившийся около Новогрудка, родные места называл Литвой. Декабрист Александр Бестужев в 1821 г. общал петербургским знакомым свой адрес: «Литва, д. Виганичи, в 40 верстах от Минска».

Один из предводителей польско-литовского восстания 1863 г. Кастусь Калиновский (лит. K. Kalinauskas), рожденный в Мостауленах (ныне Польша), говорил на белорусском языке и называл родной край Литвой. Даже в послевоенные 1950-е годы селяне Минской области на вопросы этнографов отвечали, что они литвины, а не «беларусы».

Повторю, что духовной скрепой ВКЛ в течение нескольких столетий являлось православие, унаследованное от Киевской Руси. Помимо этого княжество объединял один язык – старорусский, реликты которого наиболее ярко заметны в белорусском и украинском языках. **Предполагать, что русичи бывших княжеств Киевской Руси, добровольно согласились идти под захватчиков другой веры и языка, абсурдно.** Литовские историки ничтоже сумняше на этом настаивают.

Ряд историков не без оснований полагали и полагают, что Великое княжество Литовское было, по сути, Литовской Русью. Этот вывод позволяет оценивать историю ВКЛ, как часть истории Руси. При всём негативе, которым нередко наделяют ВКЛ некоторые российские исследователи, оно немало сделало для того, чтобы население русских княжеств чувствовало себя в нём достаточно комфортно и впоследствии безболезненно вошло в Российскую империю.

Николай Герасимович Устрялов (1805–1870), российский историк, академик Петербургской академии наук в 1839 г. опубликовал статью «О Литовском княжестве. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать великое княжество Литовское» (СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1839. 42 с.).

Устрялов в ней писал: *«Гедимин действовал русскими против русских так точно, как и государи московские, и гордился именем русского князя. От того при нем и первых преемниках его, в основанном им государстве все было русское, вера, язык, гражданские уставы, понятия, нравы, обычаи. Самые князья литовские, рожденные от русских княгинь, женатые на русских княжнах, крещеные в православную веру, казались современникам потомками Владимира Святого».*

Устрялов впервые поставил вопрос о серьезном изучении истории Литовского княжества: *«Доколе оно (ВКЛ – В. Ш.) было самостоятельно, имело своих князей из дома Гедиминова, сохраняло все черты русской народности и спорило с Москвою о праве господствовать над всею Русью, историк обязан говорить с равною подробностью о делах литовских и московских и вести оба государства рядом так точно, как до начала XIV столетия он рассказывал о борьбе удельных русских княжеств... Положение дел будет одно и то же, с тою единственно разностью, что в удельное время было несколько систем, а тут только две: московская и литовская. Это будет продолжаться до исхода XVI века».*

Православный русский этнический компонент проявлял себя не только на уровне основного населения ВКЛ, но и на уровне Великих князей Литовских. Рассуждения литовских историков о том, что Великие князья были язычниками и этническими литовцами, а образование ВКЛ происходило на территории этнической Литвы, не выдерживает критики.

Известно, что в грамотах, приписываемых основателю ВКЛ Великому князю Литовскому Миндовгу, встречается титул «гех Litwinogum», то есть «король Литвинов». Но основным его титулом был Великий князь Литовский.

Между тем, известно, что **титул «Великий князь» является древнейшим титулом, используемым только русскими князьями.** Императоры и короли Запада, именуемые Великими, нечто иное. Великим князем в 912 г. впервые был назван киевский князь Олег. Тогда русские послы заключили мир и ряд соглашений с греками «от Олга, великого князя русского».

Почему же Миндовг взял себе этот титул? Видимо, по той причине, что летописная Литва Миндовга находилась на территории Черной Руси, некогда входившей в состав Киевской Руси. Традиции этого государства Миндовг воссоздал в Великом княжестве Литовском.

Добавлю, что герб ВКЛ «Погоня», скачущий всадник с поднятым мечом и прикрытый щитом, видимо, был позаимствован у Полоцкого княжества, одного из самых древних государственных образований Восточной Европы.

Кстати, изображение скачущего всадника с мечом и щитом запечатлено на печатях: Богуслава I, князя лютичей из Щецина (1170 г.), Ростокского князя Николая, соправителя бодричей (1189 г.) Казимира I Опольского (1226 г.), Новгородского князя Александра Невского (после 1236 г.) и Псковского князя Александра (1331 г.).

Вместе с тем герб ВКЛ «Погоня» отличается от изображений на печатях славянских и русских князей тем, что на щите всадника изображён шестиконечный крест, похожий на крест, изображенный на гербе Полоцкого княжества.

Тот был позаимствован у православной Византийской империи. Единственной законной обладательницей этого символа – православного шестиконечного креста, в регионе была династия полоцких князей – родственников византийских императоров. В 1161 г. по заказу полоцкой княжны Ефроси-

нии. ювелир Лазарь Богша создал золотой крест, ставший национальным символом белорусов. Однако перекладыны на нём не равновелики, тогда как крест на гербе ВКЛ имеет равновеликие перекладыны.

Известен и шестиконечный крест с равновеликими перекладами. Он называется лотарингским и присутствует на гербе ряда государств. Его происхождение связано с латинским (католическим) патриархом Константинополя Гервасием (умершем в 1219 г.). После долгих странствий шестиконечный крест Гервазия попал к представителям анжуйской династии французских королей (1244 г.).

Называться лотарингским шестиконечный крест стал после того, как Рене II Лотарингский использовал этот крест в битве при Нанси (1477 г.) против герцога Бургундии Карла Смелого в качестве отличительного знака, в противовес бургундскому андреевскому кресту.

Если, как утверждают литовские историки, ВКЛ создавали этнические литовцы, являвшиеся язычниками, (а литвины интенсивно стали переходить в католичество только после смерти Витовта Великого в 1430 г.), **почему же тогда на гербе ВКЛ христианский крест?**

Исходя из вышеизложенного, версия литовских историков и политиков о том, что ВКЛ создавали этнические литовцы, которые и были его организующим ядром, терпит крах.

Литовцы не единственные в Европе, кто пытается «присвоить чужую историю». **Аналогичная ситуация сложилась в республике Македония.** Сегодня там преимущественно проживают балканские славяне. Тем не менее, они пытаются отождествить себя с древними македонянами Александра Македонского, являвшимися, как известно, этническими греками.

Современных македонян не смущает даже то, что древние македоняне никогда не жили на территориях, входящих в современную Республику Македонию. Но, видимо, славянские македонцы считают это незначительным пустяком. Уж очень заманчиво для них обрести право считать себя потомками народа, создавшего величайшую в древнем мире империю. Аналогично поступают и в современной Литве.

Ещё раз отмечу, что название «Литва» для территории современной Литвы стало употребляться только со второй половины XIX века. Основная часть современной Литвы в древности называлась не Литвой, а Жемайтией (Жмудью или Самогитией), и фигурировала как автономное княжество в составе ВКЛ, что видно по названиям, запечатленным на многих старинных картах. К этому добавлю, что современный литовский язык сформировался в середине 19-го века в основном на основе сувалкского диалекта.

Одним словом, можно с полной уверенностью утверждать, что ВКЛ являлась, по сути, **Литовской Русью Православной.** Постараюсь на анализе жизнедеятельности Великих князей Литовских обосновать это утверждение.

* * *

Известно, что подлинную государственность ВКЛ приобрело в период правления Великого князя Литовского Гедимина (1275–1341 гг., княжил с 1316 по 1341 гг.). Его этническое происхождение также туманно. Хотя существует немало версий, но оставим их историкам. Для нас представляет интерес отношение Гедимина к православию и русским.

Ранее уже говорилось о русскости Гедимина, на которую обращал внимание историк Н. Устрялов. Для выяснения происхождения князя обратимся к древнему литературному источнику, называемому «Задонщина». В нем князь Андрей, сын Великого князя Литовского Ольгерда говорит брату Дмитрию о предках: «Молвяше Андреи Олгордович своему брату: «Брате Дмитреи, сами есмя себе два браты, с(ы)н(о)ве Олгордовы, а внуки мы Доментовы, а правнуки есми Сколомендовы...».

В Кирилло-Белозерском списке текст несколько иной: «Молвяше Андреи к своему брату Дмитрею. «Сама есмя два брата, дети Вольярдовы, внучата Едиментовы, правнучата Сколдимеровы...»

Князя Гедимина внуки именуют то Доментом, то Едиментом. А в Воскресенской летописи Гедимин назван Едимантием. Видимо, это было его славянское имя. Что же касается Сколоменда, то некоторые исследователи полагают, что он тождественен ятвяжскому князю Скалманту, известному по «Хронике земли Прусской» Петра фон Дусбурга. Это указывает на явный след пришельцев с берегов Балтийского моря. В этой связи высказывается версия, согласно которой Едимантий-Гедимин был потомком ятвягов.

Замечу, что наличие в современных ятвяжских говорах многочисленных реликтов древнерусского языка позволяет утверждать, что **ятвяжская речь – славянская, разновидность древнерусской**. Об этом ещё в 1845 г. заявил Георг Нессельман, профессор Кёнигсбергского университета специалист по санскриту и исследователь литовского языка. Он в 1865 г. создал первый словарь литовского языка «Thesaurus linguae prussicae».

Известно, что Гедимин в «Бархатной книге» — родословной наиболее знатных боярских и дворянских фамилий России, составленной в 1687 г. значился, как «Витеневь сынъ Едиманъ Князь Великий...». Но и без «Бархатной книги» можно достаточно уверенно утверждать, что Гедимин был православным и русским по духу. Об этом свидетельствует его жизнь.

Князь был трижды женат, причём дважды на православных русских княжнах. Первым браком Гедимин женился на Ольге Всеволодовна, княжне Смоленской, а вторым на – Евне Ивановне Полоцкой. Известно, что на Руси выдача православной княжеской дочери за язычника была невозможна. Получается, что Гедимин должен был принять православие. О третьей его жене сведений нет.

Православные жены Гедимина веры своей не меняли. Как не меняли своего отношения к родному княжеству. Не секрет, что жены имеют весьма большое влияние на мужей и ещё большее на детей. Не случайно из семи сыновей Гедимина пятеро были православными. Так, Наримант был наречён

в православии Глебом, Ольгерд – Дмитрием или Александром, Кориат – Михаилом, Любарт – Владимиром, Евнутий – Иоанном.

Дочь Гедимины Мария в 1320 г. вышла замуж за Тверского Великого князя Дмитрия Михайловича Грозные очи. Другая дочь Айгуста, в крещении Анастасия, в 1333 г. стала женой Симеона Ивановича Гордого, князя Московского и Великого князя Владимирского. Однако при этом ВКЛ Гедимины и Московское княжество Ивана I Калиты оставались соперниками в собирании русских земель.

Энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона, ссылаясь на Псковскую вторую и Софийскую первую летописи, сообщает, что главным полководцем Гедимины, и его посредником в переговорах с русскими князьями был православный гродненский князь Давид, который, по некоторым источникам являлся его зятем.

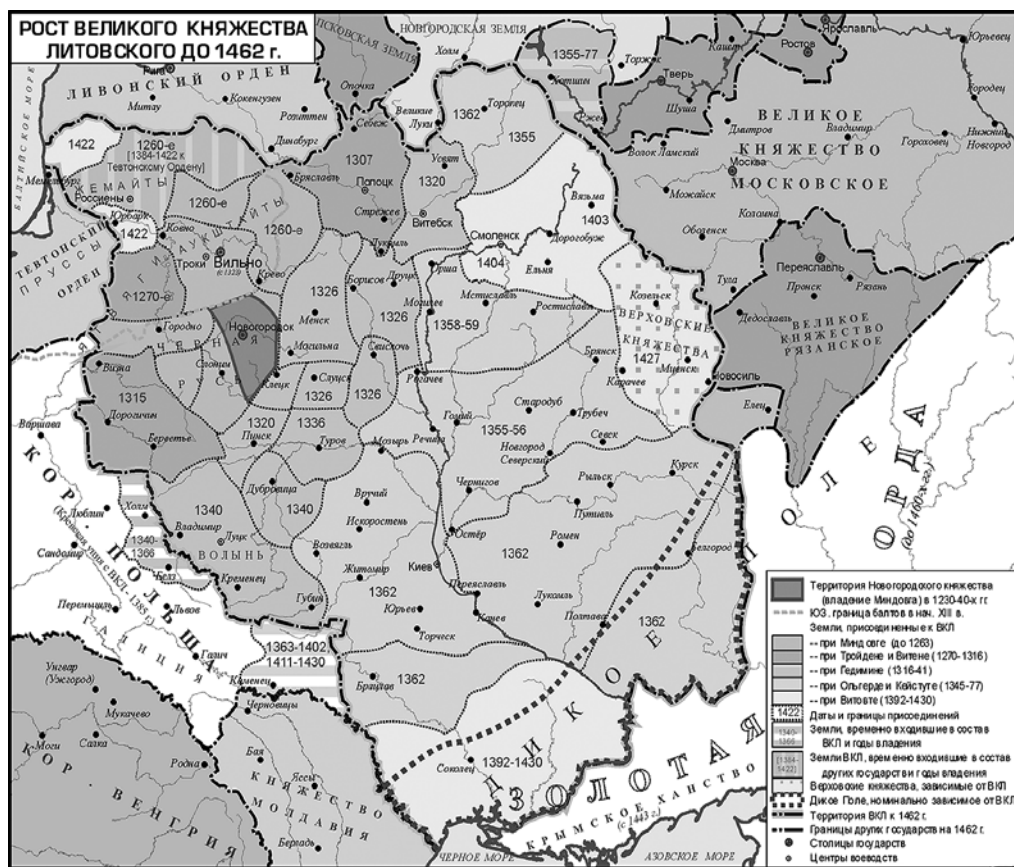
Буквально через год после обретения Великого княжения, в 1317 г. Гедимин добился учреждения независимой от Москвы православной митрополии с центром в Новогрудке. Ещё через 6 лет он перенёс столицу ВКЛ из Новогрудка в Вильно. Это не было побегом от православия. Ведь Вильно был основан полоцкими кривичами-славянами, которые во времена Гедимины исповедовали православие. Именно кривичей в Прибалтике называли русскими. Для сведения. В современном латышском языке русские зовутся «krievi».

Не случайно при Гедимине новую столицу ВКЛ Вильно немцы называли «русским городом», а польские хронисты – «столицей греческого (православного) отщепенства». Вот сколь сильно было русское православие в этом городе.

По этому поводу обратимся к такому средневековому свидетелю, как тевтонский граф Конрад Кибург. Он в 1397 г. был направлен магистром Тевтонского ордена послом к Великому князю Литовскому Витовту. Это путешествие Кибург описал в своем дневнике, заодно привёл ряд любопытных сведений о литовских Великих князьях, об обычаях, царивших в ВКЛ и при дворе Витовта, а также о легендах ВКЛ. (<http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XIV/Kyburg/text.phtml?id=4001>)

И хотя достоверность этого дневника ставится под сомнение некоторыми историками, бытовые подробности жизни тогдашней Литвы, описанные графом, настолько убедительны, что согласиться с утверждением о том, что дневник Кибурга фальсификат, весьма сложно. Можно предположить, что причиной неприятия этого дневника является то, что в нем очень хорошо высвечена роль православия и русского фактора в жизни тогдашнего Великого княжества Литовского. Замечу, что немало исторических документов, в том числе и летописей того времени, подвергаются сомнениям. Но, тем не менее, они находятся в научном историческом обороте.

Одна из легенд, изложенная в «Дневнике графа Кибурга», гласит, что в незапамятные времена на месте Вильнюса было поселение и святилище Перкуна (Перуна) с верховным жрецом Креве-Кревейто. По имени жреца можно сделать вывод, что речь идёт о протославянах язычниках – кривичах.

Кибург писал, что Гедимину место понравилось. Оно находилось на берегу судоходной реки, здесь проживало немало умельцев и князь решил выстроить на этом месте деревянный замок, который дал начало городу. Верхний город стал называться – Пилякалнис, т. е. Замоквая гора, а Нижний, где было святилище Креве-Кревейто – Кривым городом (*Castrum curvum*). Эта легенда показывает, что чем глубже изучаешь историю Литвы, тем больше находишь русских следов.

В этой связи несколько о русских городах на земле литовской. Прежде всего, о Вильно. Не вызывает сомнений, что это его изначальное историческое название, которое городу дала извилистая река, на берегу которой он стоит. Эту реку славяне называли Велья (так в летописях), то есть виляющая (лит. Neris). В неё впадает ещё более извилистая речушка под названием Вилейка (лит. Vilnelė).

Из древних письменных источников известны названия Вильнюса: Вильня, Wilnia, Vilna. Например, в одном из писем в 1323 г. Гедимин писал о своём дворце в Вильно: «in civitate nostra regia Vilna» – «наш дворец в городе Вильна».

Для подтверждения исторического названия города следует обратиться к средневековым картам, на которых указаны города ВКЛ. Так, на карте 1507 г., называемой «*Tabula moderna Sarmatie Eur[ope] sive Hungarie, Polonie, Russie, Prussie et Valache*». Там фигурируют названия, написанные в славянской традиции с транслитерацией на латынь: «...Kofno, Wilno, Lyda, Grodno...».

Помимо этого интерес представляет «**Список русских городов дальних и ближних**», размещенный в Новгородской первой летописи и датируемый началом XV века. В разделе «Литовские города» находим названия городов: «...*Кернов. Ковно. Вилкомирье. Мошогола. Вилно, 4 стены деревянные, а две каменные; а реце две: Велиа, Вилно. Трокы Старый, каменны. А Новый Трокы на езере две стены камены. А вышний древян. А в острове камен. Медники камен...*».

Вышеизложенное является весомым подтверждением того, что нигде в письменных источниках ВКЛ, ни в дипломатической переписке, ни в письменных источниках других стран (польских, русских, немецких и др.) XI–XVIII столетий не использовалось написание города Вильнюс в варианте с окончанием на «-с». Да и все города летописной Литвы писались в славянской транскрипции. Это ещё одно подтверждение того, что ВКЛ по сути было Литовской Русью.

* * *

Политику приязни Гедимина в отношении к русским и православным продолжил Ольгерд, один из его семи сыновей (1296–1377 гг., княжил 1345–1377 гг.). Родился Ольгерд в 1296 г. от православной полоцкой княжны Ольги Всеволодовны. Он в 49 лет, в 1345 г. стал Великим князем Литовским.

До этого Ольгерд 27 лет прожил в православном Витебске, из которых 25 лет, после смерти тестя Ярослава Васильковича, княжил в этом городе.

Литовские историки утверждают, что имя Ольгерд, лит. Algirdas, происходит от литовских слов «*alga*» — вознаграждение и «*girdas*» — слух, известие и буквально означает «известный вознаграждением». Налицо явная несурязица, особенно если учесть, что Ольгерд был рождён от русской женщины.

Несравненно обоснованнее представляется версия о том, что княгиня Ольга назвала сына своей радостью, то есть «Олге»-«рд». Эту расшифровку приводим, дабы показать к каким бессмыслицам не стесняются прибегать литовские историки только для того, чтобы доказать литовское происхождение Великих князей Литовских. Между тем надпись на печати Ольгерда сделана на старославянском языке и там князь именуется не Альгирдасом, а «ОЛГЕРОМ».

Ольгерд был крещён в православие под именем Дмитрий, хотя существует версия, что под именем Александр. В 22 года женился на православной витебской княжне Марии Ярославне. После смерти её отца Ольгерд княжил в том же православном Витебске.

Между тем, литовские историки упорно утверждают, что Ольгерд был язычником. При этом ссылаются на Германа Варберга автора «Ливонских хроник». Однако известно, что немцы всегда представляли литвинов язычниками для оправдания своей экспансии на их земли.

Густынская летопись сообщает, что Ольгерд был крещён ещё до вступления в брак с Марией Витебской (1318 г.). В православном Витебске мог княжить только православный князь. Для разрешения спора вновь обратимся к дневнику уже упомянутого тевтонского графа Конрада Кибурга.

В дневнике Кибург отмечал, что католики «в княжение Ольгерда были малочисленны и презираемы» и испытывали «противодействие правительства». Кибург утверждал, что великий князь Ольгерд вовсе не сочувствовал язычеству и *«исповедывал христианство по восточному обряду, которого, как известно, держалась и великая княгиня Юлиана»*. (Ульяна, вторая жена Ольгерда, княгиня Тверская – В. Ш.).

Тем не менее, в ряде исторических исследований Ольгерд представлен язычником и непримиримым врагом Руси. При этом ссылаются на его походы на Москву, а также неоднократные заявления, что *«Вся Русь должна принадлежать Литве»*. Эту фразу нередко толкуют, как захватническую. Но с большей вероятностью следует полагать иначе. Ольгерд считал, что его правление избавит восточные русские княжества от монголо-татарского ига. В то время русские князья Восточной Руси ездили в Золотую Орду за ярлыками на правление и платили ей дань.

Поэтому западные и центральные русские княжества с большей охотой шли под руку литовского, а не московского князя. Ведь это избавляло их от монголо-татарского ига. Помимо этого в ВКЛ положение русских бояр было более комфортным. Не случайно Новгородская республика, Полоцкое и Смоленское княжества более тяготели к Литве.

Не вызывает сомнений, что Ольгерд рассматривал основные земли ВКЛ, как Русь. Этот вывод становится очевидным, когда знакомишься с житием митрополита Киевского и всея Руси святого Киприана (ок. 1330—1406). Он в 1373 г. был направлен византийским патриархом Филофеем в Москву для обеспечения единства всего русского православного мира.

Своей главной задачей Киприан ставил **ослабление соперничества двух православных русских государств, литовского и московского за право объединения под своим верховенством всех русских земель.**

Положение усугублялось тем, что тогдашний митрополит всея Руси Алексей, поддерживаемый молодым князем Дмитрием Ивановичем Московским и Великим Владимирским (будущий Дмитрий Донской), вел явно промосковскую политику, с чем не мог согласиться Великий князь Литовский Ольгерд. В этой связи он в 1371 г. направил византийскому патриарху Филофею письмо следующего содержания: *«По твоему благословению митрополит (Алексей – В. Ш.) и доньне благословляет их на пролитие крови. И при отцах наших не бывало таких митрополитов, каков сей митрополит! Благословляет москвитян на пролитие крови, — и ни к нам не приходит, ни в*

Печать Великого князя Литовского Ольгерда

Киев не наезжает. И кто поцелует крест ко мне и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование. Бывает ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование?!».

Это письмо свидетельствует о том, что Ольгерд в споре с Московским князем Дмитрием Ивановичем (будущим Донским) не желал дело доводить до кровопролития с православными москвичами. Это явное свидетельство доброго отношения православного литовского князя к своим единоверцам из Московской Руси. Более того, из письма видно, что **Ольгерд был князем, которому в качестве присяги новые подданные целовали православный крест.** Для Ольгерда святотатством являлось снятие московским митрополитом крестного целования. Это ли не является подтверждением его православия?!

В ответ на письмо Ольгерда, на Русь и в Литву из православного Константинополя прибыл посланец византийского патриарха Киприан. Он, будучи отменным дипломатом, всегда занимавшим объективную позицию в спорах, немало сделал для того, чтобы сохранить единое православное пространство Руси и Литвы. Этому поспособствовало то, что в 1375 г. Киприан стал митрополитом Киевским, Русским и Литовским. А в 1389 г. он был поставлен митрополитом Киевским и Всея Руси.

Киприан был единственный из митрополитов Руси XIV века, не подчинившийся власти Золотой Орды. Он немало сделал для улучшения отношений между Московским и Литовским княжествами. Так летом 1387 г., митрополит Киприан привез в Литву бежавшего из Орды и укрывшегося в Молдавии сына Дмитрия Донского московского княжича Василия, бывшего заложником в Орде.

Киприан поддержал Великого князя Литовского Витовта в его противодействию Ягайло, ставшего польским королём, по насаждению католицизма в Литве. Он также убедил Витовта дать согласие на обручение его дочери Софии с княжичем Василием, сыном Дмитрия Донского.

В 1388 г. княжич Василий прибыл в Москву в сопровождении свиты из литвинов. А в январе 1391 г. Киприан освятил брак между ним, ставшим к этому времени Великим князем Московским и Софией Витовтовной. Отношения между Москвой и Вильнюс перешли на новый уровень. В этой связи замечу, что следствием этого брака явилось то, что московский царь Иван IV Грозный был прапраправнуком Витовта Великого и Дмитрия Донского.

Поскольку это утверждение вызывает большие споры, то приведу небольшую хронологию. Выше отмечалось, что Василий I Дмитриевич (1371–1425), сын Дмитрия Донского женился в 1391 г. (по любви!) на литовской княжне Софье Витовтовне. Её матерью была смоленская княжна Анна.

Сын Дмитрия и Софьи, Василий II после смерти отца в 10-летнем возрасте стал Великим Московским князем. Однако у малолетнего князя оказалось много соперников, которые претендовали на московский престол. В этой связи Софья в 1427 г. обратилась за защитой к своему отцу Великому князю Литовскому Витовту, передав Московское княжество под его руку.

Литовские историки и политики пытаются представить этот период, периодом, когда Москва якобы была вассалом Литвы. Но, как известно, каждый из нас когда-то был вассалом (в хорошем смысле) своих родителей. Так было и в случае с Софьей Витовтовной. Не более.

Василий II (1415–1462) женился на Марии Ярославовне, серпуховской княжне. У них родился сын Иван, будущий III Великий (1440–1505). Иван III в 1472 г. взял в жены Софью Палеолог, племянницу последнего византийского императора. В 1479 г. у них родился сын Василий III (1479–1533).

Василий III в 1526 г. женился на Елене Глинской, дочери литовского князя, крымчака по происхождению. В 1530 г. у них родился сын, будущий Иван IV Грозный. Естественно, он являлся прапраправнуком Витовта и Дмитрия Донского.

Но вернусь к Ольгерду. Представляется целесообразным более предметно проанализировать его походы на Московскую Русь. Ведь именно эти походы позволяют некоторым исследователям представлять Ольгерда ярким русофобом. Между тем известно, что все три похода Ольгерда на Москву были обусловлены его участием в давнем споре тверского и московского князей.

Началось всё в 1351 г., когда Ольгерд после смерти жены Марии Витебской, женился на княжне Ульяне (Иулиании-Юлиании) Александровне, сестре тверского князя Михаила Александровича. Тверь тогда соперничала с Москвой за право быть главной на Руси. Она стала союзником Ольгерда в борьбе с московским князем за русские земли. Союзничество подкреплялось тем, что Тверь имела с Литвой стоверстную границу, на которой стояли тверские города Ржева (Ржев), Зубцов и Холм.

В противостоянии с Тверью московский князь Дмитрий Иванович (названный позднее Донским) не всегда вел себя достойно. В 1368 г. он, подстрекаемый митрополитом Алексеем, послал войска на захват тверских земель. В это же время московский князь и митрополит зазвали к себе тверского князя Михаила Александровича якобы в гости, а на деле устроили над ним суд. После чего Михаила вместе с его боярами посадили под стражу. Михаила Тверского спасло то, что в этот момент в Москву прибыли три ордынских князя. Князь Дмитрий и митрополит на всякий случай отпустили Михаила, хотя и заставили его отказаться от Городка и части тверских земель.

Выйдя на волю, Михаил сразу же поспешил к Ольгерду с просьбой о заступничестве. Осенью 1368 г. Ольгерд из Витебска повел войска на Москву. В битве у Волока Ламского литвинские полки разгромили войско воеводы Дмитрия Минина и, не встречая дальше никаких препятствий, дошли до стен московского Кремля. Великий князь Московский с войском укрылся в хорошо подготовленных для обороны укреплениях. Ольгерд предпочёл не рисковать, устраивая штурм Кремля, удовольствовался пленными москвичами, богатой добычей и вернулся в Великое княжество Литовское.

Что же касается жалоб на разграбление московских земель, то, не выгораживая Ольгерда, замечу. Такое было время. Войско, попав на территорию противника, никогда не обходилось без грабежей. Москвичи этим также грешили. Известно, что во времена Ивана IV Грозного москвичи безжалостно грабили и убивали не только врагов, но и непокорных соплеменников. Достаточно напомнить, с какой жестокостью Иван Грозный присоединил к Москве православную Новгородскую республику и Полоцкое княжество.

Не секрет, что взаимоотношения ВКЛ и Руси Московской были далеко не братскими. Это естественно, так как каждый князь жаждал главенства над всеми. **Оценивать противостояние исторических личностей и, соответственно, возглавляемых ими государств, в тот период, исходя из национального признака, как это делают литовские историки, не вполне корректно.** Войны тогда велись в основном по политическим мотивам, за власть, влияние и территории.

Причём многие из враждующих были из одного родового гнезда. Но судьба, как нередко бывает, развела их. Напомню, что вражда тверских и московских князей, имевших общих прародителей, была весьма длительной и отличалась особой жестокостью. Известно, что Михаил Ярославович Тверской, дважды (1305 и 1308 гг.) ходил походом на Московскую Русь, где княжил Юрий Данилович, его дальний родственник, пытаясь взять её под свою руку. Но так и не смог.

Противостояние этих двух русских князей закончилось разборкой жалобы московского князя Юрия хану Узбеку в Золотой Орде. В результате тверской князь Михаил был казнён. Спустя два года, сын Михаила Тверского Дмитрий Грозные Очи обратился к хану с жалобой на Юрия Московского и добился права убить того прямо в шатре хана. Такие кровавые родственные разборки были не редкостью в те далёкие времена.

Ольгерд тоже был не ангел, иначе он не создал бы такую державу. Но вернусь к его походам на Москву. Второй поход Ольгерда состоялся осенью 1370 г. До этого Ольгерд с войском вторгся в Пруссию, но был наголову разбит тевтонскими рыцарями. Воспользовавшись ослаблением Ольгерда, московский князь Дмитрий Иванович в августе 1370 г. двинулся на Тверь.

Тверской князь Михаил Александрович по обычаю бежал в Литву. Москвичи разграбили и сожгли города Зубцов и Микулин, а также многие села, взяли большое количество пленных и угнали весь скот тверичей. Одним словом, в мире все шло и идет так, как сказано у Екклезиаста: **«Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас».**

Тверской князь вновь обратился за помощью к Ольгерду, но тот оправлялся после поражения и только поздней осенью выступил в поход на Москву. По дороге литвины «хорошо» пограбили окрестности Москвы. Дмитрий Иванович опять закрылся в Кремле. После восьми дней осады начались переговоры о перемирии. Как сообщает летопись, Великий князь Московский прислал

к Ольгерду своего боярина с предложением мира, так как не мог оказать ему серьезного сопротивления.

Тогда Ольгерд «любовь свою над ним учинил, из Москвы его не добывал и мир с ним взял». Дмитрий Иванович в ответ выехал из укреплений и ода-рил Ольгерда золотом, серебром и другим богатством. Во время той встречи, согласно летописи, Ольгерд сказал: «...*хочу под городом твоим Московю копье свое приклоните, и ту славу учинити, что великий князь Литовский, Русский и Жамойтский Ольгерд копье свое под Московю приклонил*». Сев на коня, он приблизился к Кремлю и дотронулся до него копьём. «*Помни, что копье литовское стояло под Москвой*», обратился он к Московскому князю на прощание.

Вскоре мирное соглашение было усилено династическим браком: двоюродный брат Великого князя Московского Владимир Андреевич Храбрый женился на Елене, дочери Ольгерда. Однако мир держался недолго.

В 1372 г. тверской князь Михаил в очередной раз попросил у Ольгерда помощи для похода на Москву. Летом того года тверичи, поддерживаемые литвинским войском, вторглись на московские земли. Вначале тверскому князю везло. Были захвачены города Переяславль, Кашин, Торжок. Но затем рать Дмитрия Ивановича нанесла тверичам и их союзникам серьезное поражение. В итоге соперничавшие стороны оказались разделенными крутым, глубоким оврагом, который ни москвичи, ни литвины преодолеть не могли.

Простояв так несколько дней, князья согласились на новое перемирие. Ольгерд поручился, что Михаил тверской вернёт всё награбленное в московских землях и отзовет оттуда своих наместников. После этого Ольгерд решил больше не вмешиваться в ссоры московского и тверского князей, тем более, что они являлись родственниками.

В этой связи такая информация. В одной из летописей мне довелось видеть миниатюру, на которой были изображены противостоящие друг другу войска Дм. Донского и Ольгерда. Однако они были без оружия?! Чтобы это значило? Видимо, в истории отношений Литвы Ольгерда и Московской Руси Дмитрия Донского ещё существуют неразгаданные тайны.

К этому добавлю, что в 1394 г. сын Ольгерда, мстиславский князь Лугвенний (в православии Семён) женился на дочери Дм. Донского Марии Дмитриевне. Да, сложное и противоречивое было время. Взять русские княжества, осколки Киевской Руси «под свою руку» стремились и Тверской, и Московский князь. Но литовский православный князь Ольгерд преуспел более всех. Как говорилось, у него было большое преимущество. Ольгерд гарантировал русским княжествам защиту от монголо-татарского ига.

Позиция Ольгерда в деле создания православным западным русским княжествам комфортных условий существования в Российской империи не была забыта. Литовский князь запечатлен на памятнике «1000-летие России» в Великом Новгороде. Враги России и православия там помещены только в поверженном виде. Ольгерд же на этом памятнике изображён достойным могучим рыцарем. Значит, было за что воздать ему такие почести.

В завершении темы выскажусь по поводу сомнительных утверждений о том, что Ольгерд умер язычником, а на погребальном костре была сожжена масса ценных вещей и 18 боевых коней. Об этом рассказывают «Ливонские хроники» Г. Вартберга.

Между тем известно, что Ливонский орден был крайне заинтересован в оправдании своей агрессии против Литвы. Поэтому был запущен миф о том, что правитель Литвы и его подданные были язычниками, а Ливонский орден лишь стремился наставить их на путь истинной веры.

Помимо вышеизложенного, документально подтверждено, что в **помяник Киевско-Печерской лавры потомки Ольгерда внесли «кн. великого Ольгерда, наречённого в св. крещении Дмитрием».**

Говоря об Ольгерде, нельзя забывать о его соправителе и брате по крови Великом князе Литовском Кейстуте, который правил в Жемайтии и прикрывал северо-запад ВКЛ и русские княжества от экспансии Тевтонского Ордена. По этой причине он также удостоен чести быть запечатленным на памятнике «1000-летие России».

* * *

Особо в ряду Великих князей Литовских стоит Витовт, ещё при жизни названный Великим (1350–1430, правил с 1392 по 1430 гг.). Сын литовского Великого князя Кейстута и жемайтской жрицы Бируты (так гласит легенда), Витовт, не случайно был назван Великим. Он унаследовал от деда Гедимина удачливость и сметку, от отца Кейстута воинскую отвагу, а от дяди Ольгерда ум и дипломатию. Благодаря этому, несмотря на смертельные перипетии в судьбе, Витовт сумел стать Великим князем Литовским.

Был трижды крещён: первый раз в 1382 г. по католическому обряду под именем Виганд, второй раз в 1384 г. по православному обряду под именем Александр и третий раз в 1386 г. по католическому обряду также под именем Александр. При Витовте владения Великого княжества Литовского на востоке достигли верховьев Оки и Можайска. На юге он окончательно вытеснил татар из Южной Подолии и вышел на берега Черного моря.

Первой женой Витовта была православная княжна лукомская Мария. Второй женой – православная смоленская княжна Анна Святославовна. Она спасла Витовта из темницы, куда того бросил Ягайло, польский король и двоюродный брат Витовта. Именно Анна родила Витовту дочь Софью, ставшую, как говорилось, женой московского князя Василия Дмитриевича, сына Дмитрия Донского.

Витовт, как и его предшественники был весьма уважаем православными подданными, так как правил ими умело и мудро. Существует легенда, что во время Грюнвальдской битвы (1410 г.) крестоносцы обложили Витовта. Но в смоленских полках раздался клич «Нашего Витовта бьют!» и смоляне выручили своего князя.

При Витовте, по свидетельству историков, православных церквей в Вильно было в два раза больше, чем католических костелов. Это исторический

факт. Ранее упомянутый Конрад Кибург сообщил в своем дневнике, что по желанию жены Витовта вышеупомянутой Анны Святославовны в Вильно была выстроена великолепная православная церковь св. Анны.

В 1551 г. она была разрушена по приказу короля Сигизмунда Августа. Сегодня в Вильнюсе существует наследница церкви св. Анны. Только теперь она носит имя некой католической св. Оны (Šv. Onos). Это подлинное чудо из красного кирпича, о котором Наполеон в 1812 г. сказал, что если бы смог, то перенёс эту церковь в Париж. Сегодня в Литве все знают о католической литовской княжне Оне, которая на самом деле была православной Анной Смоленской. Вот так преподносится история в Литве.

Фактом также является и то, что при Витовте католичество было уравнено в правах с православием. Это было сделано для того, чтобы обезопасить княжество от агрессии немецких рыцарей. В этих целях Витовт построил ряд великолепных католических костёлов. И одновременно уравнивал в правах все народности, проживающие в ВКЛ.

Но венцом жизни Витовта стала Грюнвальдская (Жальгирисская) битва, положившая конец восточноевропейской гегемонии Тевтонского ордена. В этой битве он был назначен главнокомандующим, а стойкость трёх смоленских полков, которые Витовт привёл на поле боя, решили исход сражения при Грюнвальде. Всего же под знаменами Витовта пришло 40 полков, или хоругвей, как тогда их называли. И лишь 4 из них были из этнической Литвы.

Между тем в современной Литве любое упоминание о роли «каких-то русских смоленских полках» в Грюнвальдской битве вызывает негодование. Литовские историки по этому поводу утверждают, что в 1410 г. в Смоленске был «гарнизон литовских бояр». Вот они якобы и приняли участие в Грюнвальдской битве.

Невдомёк этим горе-историкам понять, что, как уже говорилось, православные смоленские бояре тяготели к Литовскому княжеству, так как там их права и привилегии были существенно шире, нежели в Московском или Тверском княжествах. Поэтому в Смоленске не было нужды держать чужеземный литовский гарнизон.

Если бы этническая Литва, а точнее Аукштайтия, (напомню, что Витовт Жемайтию отдал Тевтонскому ордену) держала, как утверждают в каждом русском княжестве по гарнизону, то скудные людские ресурсы этнических литовцев не позволили бы обеспечить этого!

Следует понять, что при мизерности территории Аукштайтии и её населения выставить даже 4 полка из этнических литовцев было достижением. В этой связи не случайно литовские историки беззастенчиво претендуют на территорию летописной Литвы, находившейся в треугольнике Новогрудок, Минск, Слоним. Но тогда возникают вопросы, разве этнические литовцы были православными, так как на этих территориях издавна живут лишь православные белорусы, которые ранее звались русскими, а затем литвинами?

Приведу ещё один факт, подтверждающий, что войско Витовта в основном состояло из православных. Известно, что перед Грюнвальдской битвой польско-литовское (литвинское) войско пело христианскую молитву «Богородица». То, что Польша к тому времени была католической и эта молитва в ней была распространена, не вызывает сомнений. А Литва? Ведь при Витовте католичество не было распространено в Великом княжестве Литовском. А этнические литовцы оставались язычниками.

Если литовские историки считают, что полки Витовта состояли лишь из этнических литовцев, то, как они могли петь «Богородицу»? **А для православных литвинов, которых было большинство в ВКЛ, молитва «Богородица Дево» была своей.**

Добавлю, что материальных подтверждений существования этнических литовцев на белорусских землях не существует. Рассуждения литовских историков о столь обширном ареале проживания их предков стали возможными благодаря тому, что историю Великого княжества Литовского в России изучать и знать не желают. А зря. Там немало достойных изучения славных страниц нашего прошлого.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в далекие времена ВКЛ явилось надёжным щитом, прикрывшим западные русские княжества от монголо-татарской и тевтонской агрессии. Видимо, по этой причине литовские князья Гедимин, Ольгерд, Витовт и Кейстут были увековечены на памятнике «1000-летие России», открытом 8 сентября 1862 г. императором российским Александром II в Новгороде Великом.

Как говорилось, на этом памятнике запечатлен и бывший литовский князь Довмант (лит. Даумантас). Он в силу обстоятельств принимал участие в убийстве литовского короля Миндовга (тот прилюдно отнял у него жену). По этой причине Довмант в 1265 г. вместе с 300 литовскими семьями своих сторонников перебрался в город Псков. Там Довмант крестился и принял православное имя Тимофей.

Псковское княжество было форпостом российских земель и постоянно подвергалось набегам датчан и ливонских рыцарей. Военные таланты Довманта были замечены псковичами и через год он был избран князем Псковским. Под его руководством псковичи успешно отражали набеги непрошенных гостей. Для защиты Пскова от вражеских нападений Довмант укрепил его новой каменной стеной, которая до XVI века называлась Довмонтовой.

В энциклопедии Брокгауза и Ефрона отмечается, что *«ни один князь не был так любим псковитянами, как Довмант. Он был очень религиозен, судил народ право, не давал в обиду слабым, помогал бедным»*. После смерти церковь причислила его к лику святых. Тело Довманта погребено в Троицком соборе в Пскове, в котором до сих пор хранятся его меч и одежда.

* * *

Помимо Довманта, ряд потомков литовского князя Ольгерда Гедиминовича и его братьев Нариманта Гедиминовича и Евнута Гедиминовича избрали своим Отечеством Великое княжество Московское. Их отъезд из ВКЛ был

вызван политикой князя Витовта, который ради централизации государства стремился устранить удельных князей.

Решение об отъезде определило и то, что православную Московскую Русь Гедиминовичи не считали чуждой. Отношение к литовским князьям в Москве было более чем радушным. Но массовый отъезд православной литовской шляхты в московские владения начался уже после Витовта. Это произошло вследствие обострения конфликта между набирающим силу католическим окружением литовских великих князей и православной литвинской знатью, права которой все более ущемлялись.

В России Гедиминовичи стали второй по знатности после Рюриковичей княжеской ветвью. Практически все они, будучи важной частью русской высшей аристократии, с XV века играли видную роль во многих событиях истории России и внесли достойный вклад в укрепление могущества России. Общность истории Литовской Руси и Московской Руси хорошо прослеживается на судьбах этих двух великокняжеских династий. Назову российские княжеско-боярские роды, произошедшие от Гедиминовичей. Это князья Голицыны, Куракины, Хованские, Трубецкие, Патрикеевы, Бельские, Волыньские, Мстиславские и др.

О том, какую роль в истории России играли представители этих родов, свидетельствует история рода князей Трубецких. Они ведут своё начало от внука Гедиминовича, Дмитрия Ольгердовича, участника Куликовской битвы. Его потомок князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой был одним из руководителей Первого народного ополчения, пытавшего в 1611 г. выбить из Москвы польско-литовский гарнизон.

Он до избрания царем Михаила Федоровича, был главным и единственным правителем российского государства. За свою деятельность Дмитрий Трубецкой получил титул «Спасителя отечества» и был одним из претендентов на царский престол на Земском соборе 1613 года.

Воинской славой покрыл себя сын литовского князя Кориата (Михаила) Гедиминовича Дмитрий Михайлович Боброк Волынский, воевода князя Дмитрия Донского (умер после 1389 г.). Особо отличился он в битве на Куликовом поле (1380 г.). Там он командовал засадным полком и удачным выбором времени нападения решил эту кровопролитную битву в пользу русских. Князь Боброк Волынский немало повоевал и с Литвой (1379–1380 гг.).

Известным русским полководцем времен Ивана III и Василия III был праправнук Наримунта Гедиминовича московский князь-воевода Даниил Васильевич Щеня (1440–1519 гг.). В 1493 г. он отбил у «литовцев» Вязьму. Щеня принимал активное участие в войне с Литвой за Черниговскую и Северскую земли (1500–1503 гг.), а в 1504 г. обеспечил присоединение к Москве Смоленского княжества. Даниил Васильевич увековечен на памятнике «Тысячелетие России».

Потомком старшего внука Гедиминовича — Патрикеева Наримантовича являлся генерал-фельдмаршал Михаил Михайлович Голицын, сподвижник Петра I,

отличившийся в войне со шведами. Он также присутствует на памятнике «Тысячелетие России».

Вышесказанное свидетельствует, что история Литвы и Россия связана не только совместной историей, но и судьбами конкретных людей. В этом плане вековая историческая неприязнь литовцев к русским, которую пропагандируют литовские политики и историки, является, мягко говоря, вымыслом.

* * *

Подводя итог вышеизложенному, должен с горечью признать, что даже во времена жесточайшего средневекового противостояния Великого княжества Литовского и княжества Московского, когда на «кону» стояло будущее этих государств, отношения между Литвой и Москвой были более конструктивными и прагматичными, нежели в «цивилизованном» XXI веке.

Сегодня Литовской Республике и Российской Федерации делить нечего. С тем, что Литва обрела, будучи в составе в СССР, Россия согласилась в 1991 г. и в настоящий момент не имеет к ней претензий.

Можно было бы начать отношения с чистого листа, «обнулив счётчик взаимных обид», как это предложил в 2006 г. российский президент Владимир Путин. Тем более, что ни Литва, ни Россия не могут изменить своего географического положения. Они обречены находиться рядом. Как известно, дружба между соседями только способствует их процветанию. Для Литвы и России этот аспект сегодня весьма важен. Дело за Литвой.

Речь Посполитая

Несмотря на вышеизложенный посыл, тем не менее, следует высказаться по поводу обвинений литовскими политиками и историками Российской империи в уничтожении в 1795 г. Великого княжества Литовского. История угасания и гибели ВКЛ несколько иная. Известно, почти три столетия русские земли были жертвами экспансии ВКЛ. При Витовте Великом граница ВКЛ проходила под Ржевом, а Вязьма была под литвинами.

Но прошло время и захудалое Московское княжество окрепло и в свою очередь стало отвоевывать русские земли. Это началось при Великом князе Московском Василии II (княжил 1425–1462 гг.). А при императрице Екатерине II Великой (царствовала 1762–1796 гг.) Российская империя приняла участие в трех разделах (1772, 1793, 1795 гг.) Речи Посполитой (РП), в которую входило ВКЛ. Однако утрата государственности Великого княжества Литовского произошла на четыре года ранее, нежели территория этнической Литвы вошла в состав Российской империи.

Вернусь к началу этой грустной истории. К моменту смерти Великого князя Литовского Ольгерда в 1377 г. земли княжества простирались от Балтики до Причерноморских степей. Восточная граница проходила примерно по нынешней границе Смоленской и Московской, Орловской и Липецкой, Курской и Воронежской областей.

Умирая, Ольгерд передал великое княжение своему любимому старшему сыну от второго брака Ягайло, князю витебскому в православии Якову, на 3/4 русскому по происхождению (мать, тверская княжна Юлиания-Ульяна Александровна). Между тем наследовать престол должен был соправитель Ольгерда Великий князь Литовский Кейстут или старший сын Ольгерда от первого брака Андрей Полоцкий. Хотя, согласно изысканиям польского историка Яна Тенговского, старшим сыном Ольгерда являлся Фёдор Ольгердович. Но Ольгерд распорядилась так. Это решение, как оказалось, круто и не самым лучшим образом изменило судьбу ВКЛ.

В Великом княжестве Литовском по поводу престолонаследия разгорелась настоящая гражданская война (1381–1384 гг.). О ней я не буду рассказывать. Сообщу, что в итоге Великим князем Литовским стал Витовт, сын Кейстута.

Но в 1381 г., спустя четыре года после смерти Ольгерда, ничто не предвещало будущих бед. Великий князь Литовский Ягайло оказался перед серьёзным выбором. Дмитрий Донской, Великий князь Московский, после победы на Куликовом поле предложил Ягайло династический союз, который должен был скреплён браком с его дочерью княжной Софьей. Была реальная возможность объединить литовское и московское княжества. Последствия этого объединения могли бы иметь эпохальное значение.

Одновременно польские магнаты тоже предложили Ягайле королевский трон с условием женитьбы на польской королеве Ядвиге. Литовский князь принял предложение поляков. Блеск польского двора прельстил его. В 1385 г. в замке Крево Ягайло подписал династическую унию, по которой обязался помочь Польше вернуть захваченные у неё земли, присоединить литовские земли к короне Польской, а также крестить в католическую веру население ВКЛ.

После подписания Кревской унии Ягайло отрёкся от православия и принял католичество. Был наречён Владиславом и в 1386 г. сочетался браком с польской королевой Ядвигой. Так было начато сближение ВКЛ и Польского королевства. Но во времена князя Витовта, сумевшего обеспечить реальную независимость ВКЛ от Польского королевства, это сближение было номинальным. Роковым для судьбы ВКЛ оно стало после смерти Витовта.

В этой ситуации Московское княжество избавившись от монголо-татарского ига, с каждым годом набирало силу. Его противостояние с ВКЛ в борьбе за территории русских княжеств соответственно обострялось. XV век и первая половина XVI века прошли в нескончаемых московско-литовских войнах, которые шли с переменным успехом. В результате ВКЛ, стремясь заручиться сильным союзником в войнах с Москвой, в 1569 г. подписало с Польским королевством (ПК) Люблинскую унию.

В результате появилась Речь Посполитая (*Rzecz Pospolita*), далее РП, называемая «Республикой обоих народов». И хотя ВКЛ и ПК сохранили

при этом определенную автономию, польская экспансия на Литву приобрела довлеющий характер.

Началось с того, что по условиям Люблинской унии ВКЛ уступила Польше самые богатые воеводства – Киевское, Волынское и Подольское. Это был мощный удар по экономическому и государственному потенциалу ВКЛ.

Затем началось наступление на православных литвинских бояр, которых постоянно урезали в правах. В итоге большинство из них, прельщенные привилегиями и вольностями, которыми обладала католическая польская шляхта, поспешили пополнить её ряды. Так начался процесс активного ополячивания и окатоличивания ВКЛ, который к концу XVII века стал всеобщим.

Это вызвало, как говорилось, исход в Московскую Русь тех бояр Литовской Руси, которые остались верны православию.

* * *

С Люблинской унии началось угасание литовского государства, так как польский фактор оказался довлеющим во всех его сферах. Интенсивная политическая и культурная польская экспансия привела практически к полному ополячиванию политической и культурной элиты ВКЛ. Литовская элита быстро переняла привычки и повадки польской шляхты, для которой даже королевская воля была не указ.

Известно, что русские и православные корни имели знаменитые литвинско-польские княжеские роды, представители которых в течение столетий составляли правящую элиту Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой (РП). Это Вишневецкие, Огинские, Сапеги, Ходкевичи, Чарторыйские, Тышкевичи и др. Со временем они сменили православную веру на католическую.

Например, польско-литовские князья Сапеги ведут родословную от православного смоленского боярина Семёна Сопиги (возможно Сапога). Графы Тышкевичи ведут род от православного Тышки (Тимофея), сына Каленика Мишковича, предводителя православных киевских бояр в первой половине XV века.

Известно, что православный князь Константин Вишневецкий, староста житомирский (1571–1574), присягая в 1569 г. на унию Литвы с Польшей, от имени всех волынских магнатов просил короля не принуждать их к другой, т. е. католической вере. Тем не менее, его потомки считают себя католиками и поляками.

Польша сумела присвоить общую историю РП. В результате во многих исторических источниках, посвященных этому государству, ВКЛ просто отсутствует. Все знаковые исторические фигуры РП, имевшие литовское, русское, белорусское или украинское происхождение, в Польше преподносятся как поляки.

Например, руководителем восстания 1794 г. в Польше считают поляка Тадеуша Костюшко, а в Литве – литовца Тадаса Косцюшка. Споры идут и по поводу национальной принадлежности другого руководителя этого же

восстания гетмана Литвы Симона Косаковского или Симонаса Касакаускаса, а также канцлера Литвы в 1793 г. Иохима Хрептовича или Иокимаса Хрептавичюса и др.

В этой связи более подробнее расскажу о родословной весьма известного поляка Михала Огиньского (лит. Mikolas Oginskis, 1765–1833 гг.), автора замечательного полонеза «Прощание с родиной». Знаменитый род литовских вельможных князей Огиньских в Польше считают польским. Однако документально подтверждено, что этот род ведёт происхождение от Рюрика и в основном был связан с ВКЛ.

Большинство из Огиньских занимали государственные посты в ВКЛ: канцлер, гетманы, старосты, воеводы, кастеляны. Дядя Михала Огиньского, например, был Великим гетманом Литовским.

Возникает вопрос, к кому Огиньские ближе к русским, к литвинам или полякам? Ответ не может быть однозначным. Сам же Михал-Клеофас после разгрома восстания Т. Костюшко написал полонез «Прощание с родиной». В Польше эта мелодия почитается на уровне национального гимна. Учитывая, что Михал-Клеофас родился под Варшавой, считается, что под Родиной Огиньский подразумевал Польшу. Но в его жилах текла не только польская, но и литвинско-русская кровь.

Вот так Польша своей культурой и воспитанием делала поляками уроженцев Руси и Литвы. Она даже сумела присвоить девиз «От моря до моря». Известно, что именно земли ВКЛ дали ПК в рамках Речи Посполитой выход и к Балтийскому и Чёрному морю одновременно.

Но польская гордость и шляхетские вольности и демократия, привлекшие к ней многих инородцев, стали главной причиной увядания Речи Посполитой. Польская демократия со временем превратилась в анархическую вольность. Принцип «liberum veto» (право свободного запрета или требование единогласия при принятии законов в Сейме) привёл к фактическому параличу государственной власти в РП, так как практически ни одно решение не могло вступить в силу.

Сорвать заседание Сейма мог любой депутат, или как его называли посол. Например, в 1652 г. шляхтич-посол от Упитского повета Троцкого воеводства Владислав Сицинский потребовал закрыть Сейм. Депутаты без возражений разошлись! Подобным образом завершились 53 заседания Сейма (около 40%!) РП.

Добавлю к этому непомерный гонор польской шляхты, её презрение к холопам и хамам, которыми шляхтичи считали всех инородцев и православных-еретиков. Такая нетерпимость вызывала неприятие у значительной части населения ВКЛ, особенно православного, которое после Брестской унии 1596 г. оказалось крайне ущемлённым в правах. Во многом по этой причине Речь Посполитая потеряла левобережную часть Украины, территорию Вольного Запорожского войска, перешедшего под руку царя Московского.

Об этом тоже несколько подробнее. В первой половине XVII века близ города Чигирина на хуторе Суботов проживал казацкий сотник и будущий гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий. Будучи православным, он, тем не менее, долгие годы верой и правдой служил католическому польскому королю Владиславу IV. В составе его королевского войска даже ходил в поход на православный Смоленск.

Но в 1645 г. сосед, польский шляхтич Чаплинский напал на хутор Хмельницкого и разграбил его. Когда же Хмельницкий потребовал вернуть награбленное, Чаплинский захватил его и старшего сына 13-летнего Тимофея. Казацкого сотника четыре дня держали в оковах, а сына чуть не засекали до смерти.

Обращение Хмельницкого в польский суд оказалось бесполезным. Привилегии польских шляхтичей в то время были превыше всего. Тогда Хмельницкий обратился к польскому королю Владиславу IV, которого знал лично. Тот, сетуя на беспредел шляхты, сказал, что казаки, имея сабли «при боках», должны сами мстить своим обидчикам.

Хмельницкий последовал этому совету и в итоге, как известно, Речь Посполитая лишилась значительной части Украины, ушедшей под Москву. Это ускорило закат РП, а вместе с ней и ВКЛ.

Но кто в этом виноват – Россия? Известно, что в мировой политике слабому сразу же указывают его место. Напомню, что в 1610 г. Речь Посполитая, получив контроль над Москвой, могла стать величайшим государством мира. Но не вышло. И виновата в этом только сама польско-литвинская шляхта.

Кстати, к этому времени ВКЛ уже окончательно превратилось в придаток ПК. Вся литвинская и литовская шляхта ополячилась и рассуждала польскими категориями. Непотребства этой шляхты в Кремле и в Москве вызвали восстание русского народа, который в 1612 г. изгнал чужеземных захватчиков из России.

В XVIII веке Россия, почувствовав слабость РП, стала диктовать ей свои условия. Повторилась ситуация начала XVII века, когда РП диктовала России, только наоборот. Окончательный закат РП наступил во времена императрицы Екатерины II Великой. При ней влияние России в РП и, соответственно в ВКЛ, стало довлеющим. Екатерине II удалось даже посадить на королевский трон своего ставленника шляхтича Станислава Понятовского. Он при активной поддержке России в 1764 г. был избран польским королём под именем Августа IV.

В 1768 г. Россия настояла на подписании Варшавского договора, который значительно расширил права живущих в Польше и Литве православных и других лиц не католического вероисповедания. Кстати, это должна была сделать сама польско-литовская шляхта, чтобы привлечь на свою сторону так называемых «диссидентов».

Но гордая католическая шляхта ответила на это образованием Барской конфедерации, которая выступила против этого договора и короля Станисла-

ва Понятовского, объявив его низложенным. Россия помогла Понятовскому, как когда-то польский король Сигизмунд III помогал Лже-Дмитриям. Так была создана ситуация, которая привела к трём разделам РП между Австро-Венгрией, Пруссией и Россией. Последний, окончательный, произошёл в 1795 г.

Причём инициатором раздела РП была Австро-Венгрия, поддержанная Пруссией, но всю вину за разделы в Польше и Литве возложили на Россию. Известно, что Екатерина II считала, что России необходим сильный польский заслон, защищавший империю от нападения с Запада.

Она даже предложила С. Понятовскому увеличить армию до пятидесяти тысяч человек и согласилась выделить на эти цели триста тысяч золотых дукатов. Но Станислав был человеком крайне нерешительным и Екатерина поняла, что если Россия не примет участие в дележе РП, то Австрия и Пруссия обойдутся без неё. В результате разделов Россия вернула исконно русские земли Киевской Руси, а затем присоединила Литву и Курляндию.

Что же касается утверждений, что Московская Русь не могла претендовать на земли Киевской Руси, замечу следующее. Новгородская Русь Рюрика дала начало Киевской Руси. После распада Киевской Руси произошло возвышение Галицко-Волынской Руси и Владимиро-Суздальской Руси, которые стали новыми центрами собирания русских земель. Затем центром объединения русичей стала Московская Русь.

Напомню, что начало Московскому княжеству в 1147 г. положил Юрий Долгорукий, сын великого киевского князя Владимира Мономаха, потомка Рюрика. Возвышение Московского княжества началось после того, как на княжеский престол взошёл младший сын Александра Невского Данила Александрович Московский, прапраправнук Владимира Мономаха. Как видим, Московское княжество по династической линии являлось продолжением Киевской и Новгородской Руси.

Ещё раз замечу, что все вышеперечисленные князья были из рода Рюриковичей, что подтверждает преемственность Московского княжества в деле собирания русских земель. Попытки некоторых зарубежных историков представить Московское княжество, как нечто чужеродное исторической Руси, не состоятельны и абсурдны.

Но вернусь к ВКЛ. Известно, что оно, как государственное образование, к третьему разделу РП в 1795 г. уже не существовало 4 года. Утрата государственности ВКЛ произошла 3 мая 1791 г. Тогда Сейм РП, при активном участии маршалка ВКЛ (то есть, премьер-министра) Игнацы Потоцкого, отказался от Конституции 1775 г. и принял новую Конституцию. Эта конституция, отменив автономию ВКЛ, положила конец его государственности, превратив Речь Посполитую в унитарное государство.

Следует признать, что Конституция 1791 г. являлась более прогрессивной, нежели предыдущие. Она урезала особые права польско-литовской шляхты,

приведшие к фактическому коллапсу государственной власти в РП, но для ВКЛ она оказалась роковой.

Правда, 22 октября 1791 г. тот же Сейм РП принял «Закон о гарантиях двух народов». Он закреплял союз ВКЛ и КП в составе единой и неделимой Речи Посполитой при полном равенстве прав этих двух частей федерации. Но это была припарка почившему литовскому государству.

В 1795 г. Австро-Венгрия, Пруссия и Россия разделили остатки РП, обессиленной межусобицами правящей шляхты. 3 января 1795 г. Австрия получила малопольские земли с Люблиным и Краковым, Пруссия — часть Подляшья и Мазовецких земель с Варшавой, а также часть Жемайтии. К России отошли Литва, Курляндия, Западная Белоруссия и Западная Волынь.

Вот так территория современной Литвы оказалась в составе Российской империи. Известно, что в Польше каждая годовщина Конституции 3 мая отмечается как большой государственный праздник. А в Вильнюсе до сих пор кланут Россию, как главного виновника гибели ВКЛ.

Столь подробно излагаю эту тему для того, чтобы была понятна иезуитская хитрость, с которой в Литве интерпретируют историю. Излагается вроде бы историческая правда, но не совсем. Искажаются детали и подменяются цели, которые ставили перед собой участники исторических споров. А в итоге меняться суть этих событий.

Кстати, причитания наследников польско-литовской шляхты по поводу зловещей роли России в разделе РП и уничтожения великого литовского государства, это попытка переложить вину своих предков на русских. Для подтверждения сошлюсь на известного польского историка и публициста Казимира Валишевского (пол. K. Waliszewski).

В 1887 г. он издал свой труд под названием «Potoccy i Czartoryscy» («Потоцкий и Чарторыйский»). В нем Валишевский высказал мнение, что не столько злая воля европейских держав в польском вопросе, сколько непродуманная, недальновидная политика самой польской власти привела к потере страной государственной независимости и разделу ее между Россией, Австро-Венгрией и Пруссией.

Обратите внимание, даже, казалось бы, объективный польский историк не счел нужным отметить литовскую составляющую Речи Посполитой. Для поляков она не существовала и не существует. Тем не менее, для литовцев всё равно виноваты русские.

За высказанное крамольное мнение Валишевский подвергся жесткой обструкции со стороны не только польских историков, но и польского общества в целом. Дело дошло до того, что в 1889 г. он был вынужден покинуть Польшу и оставшиеся 46 лет жизни прожил за пределами родины — во Франции. С тех пор судьба Валишевского является назидательным уроком для всех историков Польши и Литвы. Нельзя перечить устоявшимся мифам, иначе... Ситуация в современной Литве яркое подтверждение этому.

* * *

О том, что тема исторических претензий к России до сих пор крайне актуальна для Литвы, свидетельствует следующий факт. В декабре 2013 г. Сейм ЛР специальным Постановлением объявил наступающий 2014 год – Годом Оршанской битвы, состоявшейся в сентябре 1514 г.

По этому поводу инициаторы Постановления Сейма в пояснительной записке написали: *«Победа в битве под Оршей, добытая в защите территориальной целостности Литвы против значительной большей армии (почти в три раза) позволила Литве заключить перемирие, которое почти на 40 лет обеспечило мир в государстве»*.

Да, победа литовско-польского войска, возглавляемого Великим гетманом Литовским Константином Острожским над войском московского воеводы Ивана Челяднина и князя Михаила Булгакова-Голицы была впечатляющей, хотя цель похода – возвращение Смоленска под Литву, достигнута не была.

Напомню, что князь К. Острожский являлся потомком Рюрика и киевского князя Ярослава Мудрого, чем он весьма гордился. В подтверждении этого сошлюсь на исторический документ. Православный князь Константин Острожский (1460–1530), богатейший литовский магнат, имевший полномочия на уровне Великого князя Литовского, в отказной грамоте на села с угодьями и доходами в пользу Туровской соборной церкви, датированной 5 марта 1520 г., писал: *«Я, князь Константин Иванович Острожский, пан Виленский, гетман господаря короля, староста Луцкий, Брацлавский и Винницкий, маршалок Волынской земли с сыном нашим Ильей записали к церкви соборной Успения Туровского владычества подданных мещан в Турове, а также села Ольгомле, Симоници, Радловичи со всеми пашнями и угодьями, как издавна, от предков наших держали, от князя Ярослава Владимировича и других князей русских»* (Акты Западной России; СПб., 1848. Т. 2. С. 129).

Князя Константина Ивановича Острожского (Konstantinas Ostrogiškis в литовском варианте) литовские историки считают литовцем, польские – поляком, украинские – украинцем. Но не следует забывать, что К. Острожский был православным, а в летописях он назывался русским.

Польский хронист XVI века Мацей Стрыйковский называл гетмана Острожского *«вторым Аннибалом, Пирром и Сципионом русским и литовским... мужем святой памяти и чрезвычайно прославленной деятельности»*. В эпитафии на смерть князя Острожского инок Киево-Печерского монастыря Афанасий Кальнофойский (1638) также назвал Великого гетмана Литовского *«Русским Сципионом»*.

Точку в споре о вероисповедании Острожского ставит тот факт, что князь был похоронен в Успенском соборе Киево-Печерского монастыря. Это величайшая православная святыня не только изначальной, но и всей Руси до сих пор.

Кстати, московский князь М. Булгаков-Голица, попавший в литовский плен под Оршей, был из рода Гедиминовичей, перешедших на службу в Москву. Он явился родоначальником династии князей Голицыных. Вот так причудливо тасует судьба родословные людей. Но это к сведению.

Нелепое утверждение о «защите территориальной целостности Литвы» в документе по поводу Оршанской битвы, наглядно показывает, насколько литовские политики плохо ориентируются в тех исторических конструкциях, которые литовские историки создали по их указке.

Напомню, что по официальной литовской версии ВКЛ было создано этническими литовцами и являлось государственным образованием, в котором литовский народ был основным этническим компонентом. **В таком случае неизбежен вывод — литовцы создавали ВКЛ военной силой, захватывая, а точнее оккупируя, территории русских княжеств Киевской Руси.** Поэтому рассуждения литовских политиков о «защите территориальной целостности» оккупированных этнической Литвой территорий, просто нелепы.

Замечу также, что результаты этой битвы в Литве и Польше изрядно мифологизированы. Началось это ещё при польском короле Сигизмунде I, который преподносил эту победу в Европе, как победу Польской Короны.

Однако, как говорилось, исконно русский город Смоленск, 110 лет находившейся под Литовским княжеством, в этот раз остался за Русью Московской. Тем не менее, литовские и польские политики победой под Оршей весьма гордятся, так как она якобы остановила московскую экспансию на Запад.

Литва в Российской империи

Как отмечалось, по итогам третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г. территория этнической Литвы отошла к России. Её пребывание в составе Российской империи было не простым. Литовцы активно участвовали в антирусских восстаниях 1794, 1830 и 1863 годов. Об этих восстаниях следует рассказать подробнее. К сожалению, исторические хроники участников этих восстаний описывают только, как поляков, хотя среди них было немало литвинов и литовцев.

Современные поляки и литовцы, вспоминая эти восстания, говорят об «изуверской» жестокости русских «карателей». Особую неприязнь у них вызывает фельдмаршал А.В. Суворов и вильнюсский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв. При этом они стыдливо умалчивают, как расправлялась с восставшими казаками и холопами польско-литовская шляхта. Об этом писал Николай Гоголь в «Тарасе Бульбе» и архиепископ Белорусский Георгий Конисский в своих сочинениях. Читая, с трудом веришь, что люди могут придумать такие мучения.

Тем не менее, в Польше и Литве с негодованием вспоминают царских полководцев, усмирявших восставших поляков и литовцев. А как же вели себя «благородные» польско-литовские повстанцы? Для этого обратимся к эпизодам восстания 1794 г., которое возглавил американский генерал польского происхождения Тадеуш Костюшко (лит. Tadas Kosciūška).

Оно вспыхнуло в марте этого года, а в ночь на 6 апреля 1794 г., в канун великого православного праздника Воскресения Христова повстанцы нанесли

удар по солдатам и офицерам корпуса генерала Ингельстрома, расквартированному в Варшаве. Эту вероломную кровавую расправу поляки гордо назвали «варшавской заутреней». Убийства происходили даже в храмах, где русские солдаты причащались.

Вот как описывает это событие писатель Александр Александрович Бестужев-Марлинский: *«Тысячи русских были вырезаны тогда, сонные и безоружные, в домах, которые они полагали дружескими. Заговор веден был с чрезвычайною скрытностью. Тихо, как вода, разливалась враждебная конфедерация около доверчивых земляков наших. Ксендзы тайно проповедовали кровопролитие, но в глаза льстили русским. Вельможные папы вербовали в майонтках своих буйную шляхту, а в городе пили венгерское за здоровье Станислава, которого мы поддерживали на троне. Хозяева точили ножи, – но угощали беспечных гостей, что называется, на убой; одним словом, все, начиная от командующего корпусом генерала Игельстрома до последнего денщика, дремали в гибельной оплошности.*

Знаком убийства долженствовал быть звон колоколов, призывающих к заутрене на светлое Христово воскресенье. В полночь раздалась она – и кровь русских полилась рекою. Вооружённая чернь, под предводительством шляхтичей, собиралась в толпы и с грозными кликами устремлялась всюду, где знали и чаяли москалей. Захваченные врасплох, рассеянно, иные в постелях, другие в сборах к празднику, иные на пути к костелам, они не могли ни защищаться, ни бежать и падали под бесславными ударами, проклиная судьбу, что умирают без мести...

По всему городу, из конца в конец, раздавался глухой вопль Посполитого Рушенья, заглушаемый набатом и выстрелами, между коими гремели тревожные перекаты русских барабанов и замолкали вновь, подавленные криком народным. Резня длилась; смерть в разных образах сторожила русских, – и никому не было пощады».

К концу апреля 1794 г. восстание охватило Вильно и значительную территорию Великого княжества Литовского. В Вильне российскими войсками командовал генерал-майор Арсеньев, человек малодушный и влюблённый в польскую пани Володкевич. Важнейшие пункты в городе, замок, арсенал, комиссариат были заняты польскими войсками, что облегчало действия повстанцев.

В Вильно руководителем восстания был инженерный полковник Якуб Ясинский (J. Jasinskis), отважный фанатик, поклонник французского террора, готовый на самые крайние меры. Он был сторонником самостоятельности ВКЛ, хотя по рождению был поляком. Но погиб Ясинский, как поляк, защищая Прагу, предместье Варшавы, которую штурмовали войска А. Суворова.

На территории Литвы и Белоруссии действовали повстанческие отряды не только Ясинского, но и графа Огиньского и Грабовского. Они сумели занять Вильну и Гродно. Только нерешительность и слабость руководителя восстания в Литве графа Виельгорского, помешала повстанцам достигнуть там больших успехов.

Для спасения ситуации руководство русскими войсками было возложено на полководца Александра Васильевича Суворова. В польской кампании 1770–1772 гг. он командовал полком и бригадой в составе корпуса генерала Веймарна. В августе 1794 г. войска Суворова взяли Вильно, а осенью нанесли поражения повстанцам по всему фронту. 23 октября (3 ноября) 1794 г. русские войска подошли к Праге, предместьем Варшавы. Положение повстанцев стало критическим.

Все утверждения о чрезвычайной жестокости Суворова не более чем миф, созданный французской прессой тех дней. Накануне штурма Праги в приказе по армии Александр Васильевич писал: *«В дома не забегать, неприятеля, просящего пощады, щадить. Безоружных не убивать. С бабами не воевать, малолеток не трогать»*. 24 октября в 5 часов утра начался штурм Праги. Её защищал польский гарнизон и вооружённые городские ополченцы.

В армии Суворова воевали уцелевшие во время варшавской резни игельстромовцы. Они пылали жадной мести. Поэтому схватка за Прагу была крайне ожесточенной. Несмотря на приказ А. Суворова, пострадало много женщин и детей. Это было неизбежно, потому что и они защищали Прагу с оружием в руках. К 9 часам утра всё было кончено. Поляки капитулировали.

Суворов, понимая, что разгоряченных боем и сопротивлением солдат не остановить, приказал сжечь мост через Вислу. Варшава была спасена от насилия. Позже Суворов отдал приказ не входить в Варшаву полкам корпуса Ингельстрёма, стоявшие в польской столице во время «Варшавской заутрени» и приказал не отвечать на выстрелы из домов.

25 тысяч сложивших оружие повстанцев в Варшаве Суворов отпустил по домам с паспортами. Более того, он позволил всем желающим покинуть Польшу. Интересно, совершил бы такой акт великодушия по отношению к пленным врагам, хотя один военачальник Речи Посполитой, усмирявший восставших белорусов и украинцев, как это сделал Суворов?

Признавая мудрость и человеколюбие Суворова, магистрат от имени жителей Варшавы подарил полководцу золотую табакерку с бриллиантами и надписью «Варшава — своему избавителю». Однако польская и французская пропаганда представили миру события в Праге, как кровавую бойню, а Суворова безжалостным палачом. Мне уже в советское время в Литве не раз приходилось слышать эту характеристику Суворова.

После разгрома восстания на сибирскую каторгу попали 12 тысяч повстанцев. Раненый Т. Костюшко стал заключённым Петропавловской крепости. Но в 1796 г., после смерти Екатерины II, новый император Павел I в обмен на принятие верноподданнической присяги новому императору освободил польско-литовских повстанцев, участвовавших в восстании, в том числе и Костюшко.

Поражение восстания 1794 г. привело к полной ликвидации Речи Посполитой, как государства.

* * *

Появление в 1804 г. французской империи во главе с Наполеоном Бонапартом, серьёзно изменило ситуацию в Европе. В 1806 г. французский император захватил Берлин и двинулся на польские земли, захваченные Пруссией. После разгрома Пруссии Наполеон в 1807 г. нанёс серьёзное поражение русской армии под Фридрихсбургом. После этого в Тильзите было заключено соглашение об образовании из части польских земель Варшавского герцогства. Территория Литвы в тот период оставалась под властью русского царя Александра I.

В 1812 г. польский корпус под командованием князя Ю. Понятовского, численностью в 100 тысяч человек принимал участие во вторжении Наполеона в Россию. Для привлечения на свою сторону жителей Литвы Сейм Варшавского герцогства объявил себя «Генеральной конфедерацией Королевства Польского». Однако особого энтузиазма это обращение Сейма в Литве не вызвало и в польский корпус князя Юзефа Понятовского поток литовцев был не велик.

Известно, что из 600-тысячной армии Наполеона, вторгшейся в Россию, во Францию вернулось 24 тысячи человек, в том числе всего 1,5 тысячи из корпуса Ю. Понятовского, насчитывавшего в начале похода 95 тысяч человек. Наполеон признал себя побежденным после поражения в «Битве народов» под Лейпцигом в июне 1813 г., в которой против него выступили союзные войска России, Англии, Австрии и Пруссии. Правда, весной 1815 г. он бежал с острова Эльба, собрал новую армию и потерпел окончательное поражение при Ватерлоо (18 июня 1815 г.).

1 октября 1814 г. начал работать Венский конгресс стран-победительниц. 31 декабря Англия предложила план перерасдела польских земель. После острых дискуссий в январе 1815 г. русский император Александр I согласился на новый раздел Польши. К России по праву победителя отошла большая часть герцогства Варшавского, к Австрии – Галиция, к Пруссии – Познань. Краков с округом был объявлен вольным городом.

Несмотря на участие поляков в военных действиях против России, император Александр I создал конституционное польское государство – Царство (или Королевство) Польское. **Александр I даровал полякам «Конституционную хартию», выборный Сейм, свободу печати и право на польскую армию.**

Польский историк Ш. Ашкенази считает, что «Конституционная хартия» была, по тем временам, была наиболее прогрессивной хартией в Европе. До 1830 года Польша была автономным государством, связанным с Российской империей лишь династической унией (император Российский был одновременно и конституционным королём польским).

Расчет Александр I был прост: лучше Россия будет косвенно управлять Польшей, чем допустить там господство любой враждебной державы. Поляки, не ожидавшие такого, были поражены. И когда Александр I приехал в Варшаву, толпа поляков распрягла лошадей из его кареты и восторженно везла его, распевая гимн «Боже, цось польске!».

Но такие чувства продержались недолго. Стремление польских шляхтичей возродить независимую Польшу в целом понятно. Но планы повстанцев были значительнее и масштабнее. Шляхте не давали покоя утраченные восточные территории, доставшиеся ей от ВКЛ, ведь именно ими всегда прирастало богатство Польши. Идея восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г. постоянно витала в воздухе, как в Варшаве, так и в Вильно. К этому времени вся правящая элита бывшего Великого княжества Литовского была ополячена.

В 1830 г. в Европе сложилась ситуация, которая могла обеспечить успех польско-литовского восстания. Во Франции произошла революция, свергнувшая династию Бурбонов, являвшимися одними из гарантов сохранения границ, установленных Венским конгрессом в 1814–1815 гг. (в том числе и границ Польши). Одновременно разразилась революция в Бельгии и усилилось революционное движение в Италии. Ситуация для восстания в Польше и Литве была более чем благоприятная.

В ноябре 1830 г. части польской армии, размещённой в Варшаве, начали восстание против «русского рабства». Вновь, как и 1794 г., ряд русских гарнизонов был застигнут во время молитвы в церквях. Помимо этого восставшие вновь нанесли удар по военным городкам русской армии, т. е. по незащищённым семьям русских офицеров.

Затем мятеж шляхты начался в Литве, Белоруссии и на Украине. На помощь мятежникам двинулись регулярные войска из Царства Польского под командованием генералов Гелгуда и Хлапинского. Они демонстративно перешли Неман в том же месте, что и польские части в авангарде армии Наполеона в 1812 г. Любовь к символизму и аллегориям всегда была присуща польской шляхте.

В декабре 1830 г. польско-литовские повстанческие лидеры издали Манифест, в котором провозгласили, что восстание ставит цель «...не допустить до Европы дикие орды Севера... защитить права европейских народов». Это был призыв к Европе о помощи.

Одновременно в Петербург была направлена польская депутация повстанцев, которая должна была не много, не мало, просить Николая I «о восстановлении королевства в прежних границах» (Шильдер Н.К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Кн. 2. М., 1997. С. 304). Тогда впервые прозвучал лозунг, обращённый к российским революционерам «За нашу и вашу свободу!». Он нашёл достаточно широкий отклик в среде русской интеллигенции. Но и это не изменило отношение большинства поляков и литовцев к русским.

Император Николай I прекрасно понимал значение происходящих событий. По его словам, от результата кампании по усмирению Польши «зависело политическое бытие России». Эти слова не были преувеличением. В случае поражения Россия была бы отброшена за Днепр и Западную Двину. Европа 1830–1831 гг. жила под угрозой возникновения большой войны, и локальная

кампания против поляков могла быстро перерасти в конфликт общеевропейского значения. Но император Николай I действовал решительно. После года кровопролитных боёв поляки были разгромлены. Остатки польской армии и десятки тысяч поляков бежали за рубеж.

К августу 1831 г. с повстанцами было покончено. Конституция Царства Польского была заменена на «Органический статут». Царство Польское утратило автономию и Конституцию. Сейм был распущен, польская армия упразднена. Были закрыты Варшавский и Виленский университеты.

Литовские земли стали называться «Северо-Западный край». В 1840 г. был упразднен Литовский статут, действовавший с 1529 г. Вместо него начали действовать законы российской империи. Была введена строжайшая имперская цензура. В западных губерниях были отменены местные законы, русский язык был введен в делопроизводство. В 1839 г. была ликвидирована униатская церковь, белорусы вернулись в православие.

Вместе с тем Николай I принял некоторые меры для привлечения на свою сторону польско-литовское дворянство. Он уравнивал его в сословных правах и привилегиях с русским. Помимо этого была объявлена амнистия участникам восстания. Но большинство из них предпочли эмиграцию, получившую в название «Великой». Это на 30 лет успокоило бывшую Речь Посполитую.

В январе 1863 г. в городах Польши вспыхнуло новое антирусское восстание. К лету оно охватило и Литву. Поводом для него стал насильственный набор польских и литовских юношей в рекруты. В Польше было введено военное положение. Специальные полномочия для этого получил вильнюсский генерал-губернатор М. Муравьев. К маю 1864 г. восстание было подавлено.

Многие повстанцы были сосланы в Сибирь или на каторгу. Память об этом до сих пор хранят в польских и литовских семьях. Автономия была упразднена, Царство Польское было переименовано в Привисленский край. На территориях бывшей Речи Посполитой стала осуществляться принудительная русификация, в том числе и учебных заведений. В 1864 г. был наложен запрет на печатание литовских книг латинским шрифтом. Однако в Литве это расценили, как запрет на литовский язык.

В этот период немало литовцев добровольно пошли на службу в царскую армию. Так, одним из элитных подразделений этой армии являлся Литовский уланский полк. Помимо этого в «котле народов», которым в XIX веке являлся Петербург, получила образование основная часть тогдашней литовской интеллигенции.

Учитывая, что главной движущей силой восстаний 1794, 1830 и 1863 гг. была польско-литовская шляхта, царское правительство предприняло меры, направленные на привлечение на свою сторону польского и литовского крестьянства.

В 1864 г. в Польше и Литве было начато проведение аграрной реформы, значительно более прогрессивной, нежели в России. Крестьяне стали собственниками своих земель, выкупные платежи взимались путём взимания

казной налога в размере 2/3 прежнего чинша. Получили наделы и безземельные крестьяне. Таких только в Литве оказалось около 200 тысяч.

Именно тогда были заложены основы хуторской крестьянской системы в Литве, которая существенно повлияла на менталитет литовцев. Впоследствии именно она стала камнем преткновения при «советизации» Литвы.

Вышеизложенные исторические события можно трактовать по-разному. Литовские историки и политики считают, что они доказывают историческую российскую экспансию. Попутно они обвиняют Россию в попытках колонизировать и русифицировать Литву, в жесточайшем преследовании литовских патриотов, отстаивавших независимость.

Однако любой непредвзятый историк без труда сделает вывод, что политика России в отношении Великого княжества Литовского и Речи Посполитой была существенно мягче их многовековой политики в отношении России. При этом следует признать, что расправы русских войск над польско-литовскими повстанцами были существенно менее жестокими, нежели в Речи Посполитой расправлялись над восставшими казаками. Такова историческая правда.